

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНКО

ПРОЖИГ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РОМАН

18+

#2C2C2C

Александр Коваленко

Прожиг

«Автор»

2026

Коваленко А.

Прожиг / А. Коваленко — «Автор», 2026

Кофе без вкуса. Дни без смысла. Свеча, которую задули — а ты не заметил. Миша выгорел к тридцати одному. И сделал то, о чём ты мечтаешь каждый вечер: бросил всё. Украл четыреста тысяч у спящей жены. Открыл место — кирпич, гирлянды, живая музыка. Место, где людям можно дышать. Только вот — чтобы дать другим воздух, он перекрыл кислород тем, кто дышал рядом. Жена ушла. Партнёр ушла. Друг замолчал. Музыкант, который первым поверил — первым и ушёл. Остался — кот. Диван. Заводской пол тридцать восьмого года. И тишина, в которой наконец слышно главное. «Прожиг» — роман о выгорании, пожаре и одном слове. Которое ты не сказал. Тому, кому должен был.

© Коваленко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

АКТ 1: Залог	5
Глава 1: Автопилот	6
Глава 2: Звонок	10
Глава 3: Трещина	15
Глава 4: Пустое место	20
Глава 5: Инерция лжи	26
Глава 6: Четыреста тысяч	35
Глава 7: Покаяние	41
Глава 8: Синяя обложка	48
Глава 9: Открытие	56
АКТ 2: Прожиг.	64
Глава 10: Первые	65
Глава 11: Даша	71
Глава 12: Система	78
Глава 13: Петя	85
Глава 14: Рост	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Прожиг

АКТ 1: Залог

Глава 1: Автопилот

Будильник.

Шесть сорок пять. Как вчера. Как позавчера. Как всегда.

Рука находит телефон раньше, чем открываются глаза. Палец скользит по экрану. Тишина.

Миша лежит. Потолок белый. Трещина в углу — тонкая, похожая на молнию. Была тут когда заехали. Три года назад. Думал заделать. Не заделал.

Рядом дышит Алина. Одеяло натянуто до подбородка. Каштановые волосы на подушке. Тёплая. Близкая. Далёкая.

Встал. Душ. Вода тёплая, потом горячая, потом — снова тёплая, потому что соседи сверху тоже встали. Щётка. Паста. Лицо в зеркале — щетина, круги под глазами. Тридцать один год. Когда-то думал, что в тридцать один будет кем-то. Не думал — кем. Просто — кем-то.

Кухня. Чайник. Кофе растворимый — банка красная, Алина покупает всегда одну и ту же. Ложка с горкой. Кипяток. Размешал.

Пьёт.

Горячо. А вкуса — нет. Не горько, не кисло. Никак. Как тёплая вода с цветом.

Допил. Поставил кружку в раковину. На полке над плитой — банка с сахаром, банка с солью, банка с рисом. Стоят ровно. Алина выравнивает. Каждый день.

Метро. Серая ветка. Семь тридцать две — как всегда, третий вагон, правая сторона. Тут иногда бывает сидячее место. Сегодня — нет. Стоит. Держится за поручень.

Люди вокруг — в телефонах. Все. Экраны светятся на лицах. Голубоватый свет. Одна женщина читает книгу — бумажную, в мягкой обложке. Миша пытается разглядеть название. Не может.

За окном — темнота тоннеля. И своё отражение. Размытое, полупрозрачное. Сквозь него проступают кабели и бетон. Человек-призрак в стекле.

Три станции. Четыре. Пять.

Вышел.

Эскалатор. Улица. Бизнес-центр — стекло, бетон, вывеска «Вектор Логистик». Вертушка на входе. Карточка. Пиканье. Лифт. Четвёртый этаж.

Офис.

Опен-спейс. Двадцать два стола. Миша — четвёртый слева, второй ряд. У стены, рядом с принтером. Принтер гудит. Всегда гудит. Даже когда не печатает — гудит. Миша перестал слышать этот гул примерно через три месяца после устройства. Пять лет назад.

Включил компьютер. Ждёт. Экран загружается медленно — старая машина. Логотип компании, потом рабочий стол. Четырнадцать ярлыков. CRM-система, почта, таблицы, отчёты. Всё одинаковое — серое, прямоугольное, чистое.

Почта. Двадцать три непрочитанных. Восемь — от клиентов. Пять — внутренние рассылки. Три — от Сергея Викторовича. Остальные — спам, который фильтр пропустил.

Открыл первое. «Добрый день, прошу уточнить сроки по отгрузке Северного кон-тракта...» Читает. Слова входят в голову и выходят. Как вода через сито. Ничего не остаётся.

Читает снова. Заставляет себя. «Добрый день, прошу уточнить...» Пальцы на клавиатуре. Пишет: «Добрый день, уточняю:...» Уточняет. Что-то.

Антон пришёл в девять. Как всегда — на пятнадцать минут позже. Как всегда — с бумажным стаканом из кофейни напротив. Как всегда — шумно.

— Мишка! Видел вчера «Спартак»? Три-один, красавцы.

— Не смотрел.

— Ну ты даёшь. Там Промес такое вкрутил со штрафного — я с дивана упал, серьёзно. Маринка думала — инфаркт.

Засмеялся. Сел. Включил компьютер. Через минуту:

— Слушай, а ты отчёт по Северному сделал?

— Делаю.

— Викторыч вчера спрашивал. Дедлайн вроде сегодня.

— Я знаю.

Антон покачал головой. Отвернулся к своему монитору. Забыл. Через пять минут уже рассказывал кому-то по телефону про Промеса.

Миша смотрел на экран. Курсор мигал в пустом поле отчёта. Мигал. Мигал. Мигал.

Написал первую строчку. Стёр. Написал снова. Оставил.

Обед. Двенадцать тридцать. Столовая на первом этаже.

Комплекс: суп, котлета, пюре, компот. Триста двадцать рублей. Каждый день — триста двадцать рублей. Меню меняется, но вкус — один. Общепит. Столовая. Детство, школа, армия, работа — один и тот же вкус. Или — отсутствие вкуса. Как кофе утром.

Антон напротив. Ест. Рассказывает про отпуск. Турция. Аланья.

— ...а Маринка говорит — давай на экскурсию, а я говорю — какая экскурсия, у меня всё включено, я за это заплатил. Два часа у бассейна — и всё, я в отпуске. Зачем куда-то ехать?

Смеётся. Миша кивает.

— А ты куда в этом году? С Алиной решили?

— Ещё не думали.

— Думай давай. Сентябрь — самые цены. Мы в апреле забронировали — считай даром взяли.

— Угу.

Антон ест. Миша ест. Котлета сухая. Пюре тёплое.

За соседним столом — две женщины из бухгалтерии. Одна говорит про ипотеку. Вторая — про школу сына. Дальше — мужик из айти-отдела, в наушниках, ест один.

Все едят. Каждый день. Суп, котлета, пюре, компот.

Миша допил компот. Сладкий. Из сухофруктов. Тоже — каждый день.

Два часа. Совещание.

Переговорная. Стол длинный, стулья на колёсиках. Проектор показывает слайды — графики, цифры, стрелочки вверх. Сергей Викторович стоит у экрана. Пятьдесят три года, седые виски, костюм серый, галстук — всегда синий. Говорит ровно, без эмоций. Не злой. Не добрый. Никакой.

— ...показатели по Южному направлению — плюс четыре процента к прошлому кварталу. Неплохо, но цель была шесть. Нужно дожать. Миша, по Северному — когда будет?

— Сегодня.

— Хорошо. Дальше — Антон, по западной логистике...

Миша сидит. Блокнот открыт. Ручка в руке. На странице — ничего. Ни слова, ни пометки.

Смотрит на Сергея Викторовича. На его рот. Губы двигаются. Звук идёт. Слова — понятные, русские, знакомые.

Но до Миши не доходят. Как за стеклом. Как тот компот — сладкий, но не утоляет жажду.

Совещание длится сорок минут. Миша написал в блокноте одно слово: «Северный». Обвёл. Два раза.

Четыре часа. Сергей Викторович проходит мимо. Останавливается.

— Миша. Отчёт.

— До конца дня будет.

Кивнул. Пошёл дальше.

Миша смотрит на экран. Отчёт. Четырнадцать страниц. Сделано — три. Цифры, таблицы, выводы. Всё есть в CRM — надо собрать, оформить, добавить комментарии. Работы на два часа. Может — три.

Начал. Стёр. Начал снова.

Часы на запястье. Подарок Алины на годовщину. Хорошие — серебристые, тонкий браслет, дорогие. Красивые. Правильные.

Жмут.

Расстегнул. Положил на стол. Через минуту — надел обратно. Через десять минут — снова расстегнул.

Пять часов. Отчёт готов. Одиннадцать страниц вместо четырнадцати. Отправил. Закрыв ноутбук. Встал.

— Пока, Антон.

— Давай! Посмотри «Спартак» — тебе понравится!

— Ага.

Вышел.

Метро. Обратно. Третий вагон, правая сторона. Сидячее место — есть. Сел.

Напротив — мужчина, лет пятьдесят. Спит. Голова покачивается с движением вагона. Рот приоткрыт. Портфель на коленях. Руки крупные, усталые.

Миша смотрит на него. Думает: через двадцать лет — это я. Этот портфель. Этот рот. Это качание головой в третьем вагоне.

Отводит взгляд. В окне — отражение. Снова призрак на фоне тоннеля. Только теперь рядом с призраком — спящий мужчина. Два призрака.

Дом. Шесть тридцать.

Коридор. Ботинки. Куртка на вешалку.

На кухне — свет. Алина готовит. Запах чего-то — курица? Рис?

— Привет.

— Привет. Переодевайся, почти готово.

Переоделся. Футболка, штаны домашние. Вышел на кухню.

Стол накрыт. Две тарелки. Салат. Курица. Рис. И — свеча. Маленькая, белая, в стеклянном подсвечнике. Горит. Огонёк ровный, тёплый.

— Свечка?

— Просто так.

Алина села напротив. Волосы собраны. Лицо усталое — тоже работала. Бухгалтер в строительной фирме. Цифры, акты, накладные. Свои графики и свои отчёты.

Она улыбнулась. Не широко — краями губ. Посмотрела на свечу. Посмотрела на Мишу. Ждала чего-то. Секунду. Две.

Миша положил рис. Положил курицу.

— Вкусно.

— Спасибо.

Ели. Тихо.

Миша жевал и смотрел в тарелку. Потом — в телефон. Антон прислал видео гола. Промес, штрафной, три-один.

Алина смотрела на него. Потом — на свечу. Огонёк подрагивал.

Положила вилку.

— Ладно. Я спать.

Встала. Задула свечу. Дымок пошёл вверх — тонкий, белый, и сразу исчез.

Ушла.

Миша сидел. Тарелка с остатками риса. стакан с водой. Подсвечник с мёртвой свечой. Запах воска — слабый. Через секунду — пропал.

Не понял, что произошло.

Десять вечера. Телевизор бормочет. Миша на диване. Канал — какой-то. Мужик в костюме говорит про экономику. Графики. Стрелочки вверх. Как на совещании. Как везде.

Переключил. Сериал. Люди разговаривают на кухне. Смеются. Переключил. Футбол. Переключил. Новости. Переключил. Выключил.

Тишина.

В комнате Алина уже спит. Или не спит — лежит с телефоном. Он не знает. Не заглядывает.

Зубы. Ванная. Лицо в зеркале — то же, что утром. Круги под глазами. Щетина. Тридцать один.

Лёг. Темнота. Потолок. Трещина не видна — но он знает, что она там. В углу. Похожая на молнию.

Рядом дышит Алина. Одеяло натянуто до подбородка. Тёплая. Близкая.

Далёкая.

Тихо. Где-то гудит холодильник. Где-то за стеной — телевизор соседей, еле слышно.

Миша лежит. Не спит.

Потолок. Тишина. Должно быть хорошо. Не хорошо. Не плохо.

Никак.

Глава 2: Звонок

Среда.

Утро такое же. Будильник. Душ. Кофе без вкуса. Метро. Третий вагон.

Только на этот раз — сидячее место сразу. Сел. Закрыв глаза. Не спит — просто не хочет видеть. Вагон покачивается. Люди входят, выходят. Станция, станция, станция.

Офис. Карточка. Лифт. Четвёртый этаж. Стол — четвёртый слева, второй ряд. Принтер гудит.

Антон опаздывает. Сегодня — на двадцать минут. Пришёл без стакана. Сел молча. Значит — поругался с Маринкой. Это бывает. По вторникам и средам чаще. Миша это знает, но никогда не спрашивает. Антон сам расскажет через час. Или не расскажет. Не важно.

Почта. Семнадцать непрочитанных. Открыл первое. «Добрый день, по вопросу сроков...» Пишет ответ. Пальцы стучат. Автоматически. Тело работает — голова где-то.

Где — не знает.

Одиннадцать сорок три.

Телефон. Не рабочий — личный. В кармане. Вибрирует.

Мама.

Мама звонит редко. Пишет — да. «Как дела», «оденься теплее», «папа передаёт привет». Раз в неделю. Иногда два. Но звонит — редко. Она не любит звонить. Говорит — «не хочу отвлекать, ты же на работе».

Миша смотрит на экран. «Мама».

Берёт.

— Мам?

Тишина. Секунда. Две.

— Миша. Папа. Скорая. Приезжай.

Голос — ровный. Как всегда. Только быстрый. И между словами — ничего. Ни вздоха, ни паузы. Как будто если остановится — не сможет продолжить.

— Какая больница?

— Двадцать третья. Кардиология.

— Еду.

Положил телефон. Встал. Взял куртку со спинки стула.

Антон поднял голову:

— Ты куда?

Миша не ответил. Не потому что не хотел. Просто — не услышал вопроса. Он уже не здесь. Тело идёт к лифту, рука жмёт кнопку, ноги выходят на улицу — а внутри всё сжалось в одну точку. Маленькую, горячую, тяжёлую.

Папа. Скорая.

Такси. Четырнадцать минут. Или двадцать. Или сорок — не знает. Время стало другим. Водитель что-то говорит. Радио играет. За окном — город. Дома, люди, деревья. Всё — как обычно. Мир не заметил.

Набрал Алину. Два гудка.

— Алин, папу забрала скорая. Двадцать третья больница. Кардиология.

— Господи. Еду.

— Не надо, я...

— Я еду, Миша.

Отбой.

Он положил телефон на колено. Экран погас. Своё лицо — в чёрном экране. Размытое, как в окне метро.

Больница.

Длинный коридор. Линолеум — серо-зелёный, пузырится у стены. Потолок — плитки, одна треснула, за ней темнота. Лампы дневного света — гудят. Тихо, но гудят. Как принтер в офисе — фоном, всегда.

Запах. Хлорка. Что-то ещё — сладковатое, тяжёлое. Больничное. Этот запах нельзя спутать ни с чем. Он был здесь один раз — когда бабушка. Двенадцать лет. Тот же запах. Ничего не изменилось.

Мама.

Сидит на стуле у стены. Стул пластиковый, оранжевый, из тех что стоят в поликлиниках и аэропортах. Маленькая. Когда она стала такой маленькой? В детстве казалась большой. Руки — на коленях. Сумка на полу, между ног. Куртка не снята — не до того.

Плачет.

Тихо. Без звука. Просто — слёзы. По щекам. Не вытирает.

Миша сел рядом. Взял за руку. Рука холодная, маленькая. Пальцы тонкие — когда они стали такими тонкими?

— Мам.

— Он утром встал как обычно. Чай пил. Бутерброд. Потом сказал — что-то давит. Сел на табуретку. И побелел. Прямо на глазах — побелел.

Говорит быстро. Тем же ровным голосом, что по телефону. Не смотрит на Мишу. Смотрит в стену.

— Я вызвала. Они быстро приехали. Четыре минуты. Я засекала. Четыре минуты.

— Мам. Что сказали?

— Инфаркт. Обширный. Стабилизировали. Но...

Не договорила.

«Но» — повисло. Тяжёлое, как потолочная плитка, которая вот-вот упадёт.

Миша сидит. Держит маму за руку. Линолеум. Лампы. Запах. Где-то за дверью — голоса, звук каталки. Пикает что-то. Ровно, ритмично. Чей-то пульс, переведённый в звук.

Врач вышел через сорок минут. Или через час. Или через двадцать минут. Миша не знает — часы сняли с отца, или он сам не смотрел.

Молодой. Лет тридцать пять. Халат, бейдж, усталые глаза. Говорит спокойно. Привычно. Он это говорит каждый день.

— Инфаркт миокарда. Задняя стенка левого желудочка. Мы поставили стент. Сейчас стабилен. Ближайшие сорок восемь часов — наблюдение. Критический период.

— Он... будет жить? — мама.

— Сейчас — стабилен. Прогноз — осторожный. Организм крепкий, это плюс. Но сорок восемь часов нужно подождать.

Мама кивнула. Миша кивнул. Врач ушёл.

Сорок восемь часов. Двое суток. Папа за стеной, в проводах и трубках, и нужно ждать сорок восемь часов. Как будто время — это лекарство. Как будто если просто сидеть на этом оранжевом стуле достаточно долго — всё починится.

Пустили на пять минут. Одного. Мама сказала — иди ты. Я потом.

Миша вошёл.

Палата. Маленькая. Кровать, тумбочка, стул. Капельница. Монитор — плачет. Зелёная линия бежит по экрану. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Живой. Пока — живой.

Отец.

Маленький. Вот что ударило первым — маленький. Всю жизнь был большим. Не высоким — широким. Руки — как у всех инженеров его поколения — крупные, тяжёлые. Руки, которые чертили, держали, чинили. Сейчас — лежат поверх одеяла. Тонкие, бледные. С иглой в вене. Пластырь — телесный, криво наклеен.

Лицо серое. Губы — сухие. Глаза закрыты.

Миша сел на стул. Стул скрипнул.

Отец открыл глаза. Не сразу — медленно. Как будто веки — тяжёлые.

— Мишка.

Голос — тихий. Хриплый. Но — его. Папин голос. Тот, который читал вслух «Робинзона Крузо», когда Мише было семь. Тот, который говорил «не бойся, я держу» на двухколёсном велосипеде. Тот же голос — только тише. Намного тише.

— Пап. Не разговаривай. Тебе нельзя.

— Ерунда.

Помолчал. Закрыл глаза. Открыл.

— Слушай. Дома, в кабинете. Стол. Левый ящик. Под бумагами — журнал. Синяя обложка. Восемьдесят девятый год.

— Пап...

— Там мой патент. Не дооформил. Проект модернизации вентиляционных систем. Серьёзная была работа. Год считал.

— Это сейчас не важно.

Отец посмотрел на него. Прямо. Глаза — мутные от лекарств, но взгляд — точный. Ясный.

— Важно. Тридцать пять лет было не важно — а сейчас важно.

Замолчал. Дышал. Монитор плакал.

— Я откладывал. Всё время откладывал. Сначала — закончу расчёты. Потом — подожду до весны. Потом — ты родился, не до того. Потом — девяносто первый, всё посыпалось, какой патент. Потом — просто привык. Откладывать.

Пауза. Длинная. Миша слышал монитор. Пик. Пик. Пик.

— Утром хотел на рыбалку поехать. В субботу. На Истру. Помнишь, мы ездили? Тебе лет десять было.

— Помню. Я карася поймал.

— Два. Два карася. Ты второго отпустил. Сказал — пусть живёт.

Улыбнулся. Слабо. Губы — сухие, потрескавшиеся. Но улыбка — настоящая.

— Я маме сказал — в субботу поедem. Она говорит — какая рыбалка, холодно. А я говорю — ничего, термос возьмём.

Замолчал. Улыбка ушла. Глаза стали мокрыми.

— Не поехали.

Миша сидел. Стул. Палата. Трубки. Монитор.

— Поедем, пап. Выпишут — и поедem.

Отец не ответил. Смотрел в потолок. Потом — на Мишу. Долго.

— Мишка.

— Да.

— Не откладывай.

Два слова. Тихих. Хриплых.

Закрыл глаза. Задышал ровнее. Заснул. Или провалился — Миша не понял.

Посидел ещё минуту. Смотрел на руки отца. На иголку. На пластырь. На зелёную линию на мониторе — вверх-вниз, вверх-вниз.

Встал. Вышел.

Коридор. Мама — на том же стуле. Рядом — Алина. Приехала. Сидит. Держит маму за руку. Свободной рукой гладит по спине. Тихо. Не говорит ничего. Просто — рядом.

Миша посмотрел на них. Две женщины на оранжевых стульях. Маленькие.

— Он спит. Стабилен.

Мама кивнула. Алина подняла глаза. Посмотрела на Мишу. Не спросила «как ты» — увидела.

— Я привезла поесть. Бутерброды. И термос.

Миша не хотел есть. Сел рядом. Алина достала из сумки контейнер — бутерброды с сыром, аккуратно нарезанные. Термос — чай, горячий. Она собрала это дома. Собрала — и поехала. Не для себя — для них.

Мама взяла бутерброд. Откусила. Жевала медленно, не чувствуя вкуса. Как Миша утром — кофе. Тот же механизм. Тело ест — человек отсутствует.

Миша пил чай из крышки термоса. Горячий. Сладкий — Алина положила сахар, хотя он не просил. Она знает — он не кладёт сахар. Но сегодня положила. Потому что — шок. Потому что — надо.

Он это заметил. Сладкий чай. Не его — но правильный. Именно сейчас — правильный.

Посмотрел на Алину. Она разговаривала с мамой. Тихо, про что-то бытовое. Про то, что нужна сменная одежда для папы. Про то, что в палату можно завтра принести тапочки. Про конкретное. Не про чувства — про тапочки.

И в этих тапочках было больше любви, чем в любых словах.

Сидели до вечера. Врач выходил ещё раз — ничего нового, стабилен, ждём. Мама не хотела уходить. Алина уговорила — мягко, без давления.

— Вера Николаевна, вы должны поспать. Завтра ему нужна будете сильная. Не уставшая.

Мама послушалась. Не потому что согласилась — потому что устала сопротивляться.

Такси. Сначала — маму домой. Миша проводил до двери. Обнял. Мама маленькая — лицо уткнулось ему в грудь. Стояли в подъезде. Тусклая лампочка, почтовые ящики, запах старого дома.

— Иди спать, мам.

— Да. Да. Иди. Звони если что. В любое время.

— Позвоню.

Дверь закрылась. Миша стоял в подъезде. Тишина. За дверью — шаги, маленькие, тихие. Щёлкнул замок.

Вернулся в такси. Алина ждала.

Ехали молча. Город за окном — вечерний, фонари, витрины. Люди идут. Кто-то смеётся. Кто-то разговаривает по телефону. Мир — живёт. Как будто ничего не случилось.

Алина взяла его за руку. Просто взяла — и держала. Всю дорогу.

Дома. Коридор. Разулись.

Алина пошла на кухню. Вернулась с водой.

— Выпей.

Выпил.

— Ложись.

— Сейчас.

Алина ушла в комнату. Миша остался в коридоре. Стоял. Смотрел на вешалку — куртки, шарф Алины, его ботинки.

Потом — прошёл на кухню. Сел на табуретку. Ту, на которой сидел сегодня утром. Пил кофе. Без вкуса.

Сейчас — не пьёт ничего. Просто сидит.

Тихо.

Холодильник гудит. На полке — банка с сахаром, банка с солью, банка с рисом. Стоят ровно. Алина выровняла. Как всегда.

И Миша вдруг подумал — не словами, а чем-то глубже слов — что всё это может кончиться. Вот так. В среду. Посреди дня. Между отчётом по Северному и обеденным компотом — мир может треснуть. И ты узнаешь об этом из телефона. На экране будет написано «Мама». И всё.

Сидел.

Потом встал. Пошёл в комнату. Лёг рядом с Алиной. Она не спала — ждала.

— Миш.

— Да.

— Он сильный. Выдержит.

— Да.

Тишина.

Алина придвинулась. Положила голову ему на грудь. Тёплая. Близкая.

Миша лежал. Смотрел в потолок. Трещина в углу — не видно, темно. Но он знал, что она там.

Не спал. Но впервые за долгое время — не пустота. Другое. Тяжёлое, горячее, страшное. Страх.

Живой, настоящий страх.

И он его — чувствовал.

Глава 3: Трещина

Четверг.

Больница. Утром — до работы. Мама уже там. На том же стуле, в той же куртке. Как будто не уходила.

— Ночь спокойная. Врач сказал — динамика положительная.

— Что это значит?

— Значит — лучше. Немного.

Миша сел рядом. Посидели. Молча. Мама достала из сумки пакет — тапочки, футболка, зубная щётка. Для отца. Собрала утром. В пять утра встала и собрала.

Миша посмотрел на пакет. Тапочки — старые, домашние, войлочные. Знакомые. Всю жизнь помнил эти тапочки. Отец ходил в них по квартире — шарк, шарк, шарк. В детстве — засыпал под этот звук.

— Мам, я на работу. В обед приеду.

— Иди, иди. Не надо в обед — вечером приезжай. Тут я.

Встал. Обнял. Пошёл.

В коридоре — остановился. Посмотрел на стену. Плакат — «Инфаркт миокарда. Факторы риска. Курение, стресс, малоподвижный образ жизни, нездоровое питание». Картинка — нарисованное сердце, красное, с трещиной посередине. Как на стене детского рисунка — только тут трещина значит смерть.

Отец не курил. Стресс — может быть. Малоподвижный — да. Тридцать пять лет за столом. За одним и тем же столом в одном и том же кабинете.

Миша пошёл дальше. К выходу. На улицу. В метро.

На работу.

Офис. Как вчера. Как всегда.

Только вчера он ушёл — молча, не объясняя. Сегодня — нужно что-то сказать.

Антон поднял голову:

— О, живой. Ты вчера свалил — я думал, случилось что.

— Отец. Инфаркт.

— Блин. Серьёзно?

— Да.

— Как он?

— Стабильно.

Антон помолчал. Почесал подбородок.

— Мой дед в прошлом году — то же самое. Стент поставили, сейчас нормально. Огород копает. Так что — не накручивай.

— Угу.

Антон кивнул. Отвернулся. Всё. Разговор окончен. Сочувствие — выдано. Можно работать.

Миша сел. Открыл почту. Двадцать одно непрочитанное. Сергей Викторович — «Миша, по вчерашнему отчёту — нужно доработать, замечания во вложении». Открыл вложение. Красные пометки. «Уточнить цифры по логистике». «Нет выводов по четвёртому кварталу». «Графики — низкое разрешение, переделать».

Смотрел на пометки. Красные. На белом. Как кровь на — нет. Просто пометки. Просто отчёт. Просто работа.

Начал исправлять. Открыл таблицу. Цифры. Строки. Столбцы.

Три, двенадцать, сорок семь, восемьсот, два, ноль, пять...

Пальцы стучат. Глаза смотрят. Где-то внутри — пусто. Не как раньше — раньше пустота была привычной, комфортной, как старый диван. Сейчас — другая пустота. С дырой. Как будто вчера что-то вырвали — и на этом месте сквозит.

Сделал. Отправил. Открыл следующее письмо.

Обед. Столовая. Комплекс — суп, рыба, картошка, компот. Триста двадцать рублей.

Сел. Ел. Суп горячий, рыба сухая, картошка — нормальная. Компот — из сухофруктов. Как всегда.

Антон не пришёл — обедал с кем-то из отдела продаж. Миша один. За столом — один.

Смотрел на столовую. Люди. Жуют. Разговаривают. Смеются. Женщина из бухгалтерии опять про ипотеку. Мужик из айти — опять в наушниках.

Всё — как позавчера. Как неделю назад. Как год назад.

Только позавчера у Миши не лежал отец в реанимации. А сегодня — лежит. И мир — тот же. Столовая — та же. Компот — тот же. Ничего не сдвинулось.

Он отодвинул тарелку. Компот не допил.

Три часа. Совещание отменили — Сергей Викторович на встрече с клиентом. Свободное окно. Полтора часа.

Миша сидел за столом. Перед ним — экран. CRM-система. Задачи на неделю: отчёт, два звонка клиентам, подготовка презентации к пятнице.

Смотрел на задачи. Список. Галочки. Сроки. Всё расписано. Всё понятно.

Отчёт. Звонки. Презентация. Отчёт. Звонки. Презентация. На следующей неделе — то же. И через неделю. И через месяц. И через год.

И через пять лет — принтер будет гудеть. И Антон будет опаздывать на пятнадцать минут. И компот — из сухофруктов.

Встал. Взял куртку.

— Антон, я — по делам. Если Викторыч спросит — я на встрече.

— Ок. Какой встрече?

— С клиентом.

— С каким?

Миша не ответил. Вышел.

На улице — октябрь. Холодно. Не мороз — сырость. Серое небо, низкие облака. Пахнет мокрым асфальтом и выхлопами.

Не поехал в метро. Пошёл пешком. Без направления. Просто — пошёл.

По улице. Мимо бизнес-центров. Мимо кофеев и салонов связи. Мимо «Пятёрочки» и аптеки. Дальше — дома стали ниже. Кирпичные пятиэтажки. Двор. Детская площадка — пустая, качели мокрые. Ещё дальше — забор, за забором стройка, кран. Ещё дальше.

Шёл. Долго. Не считал — минут двадцать. Или сорок. Ноги несли, голова не думала. Или думала — но не словами. Обрывками. Образами. Руки отца на одеяле. Монитор — пик, пик. Тапочки в пакете. Плакат с нарисованным сердцем. Красное, с трещиной.

Район стал другим. Промзона. Длинные здания — кирпичные, трёх-четырёхэтажные. Старые. Окна большие — заводские, квадратные, металлические рамы. Некоторые заколочены. Некоторые — целые, но грязные. За ними — темнота.

Между зданиями — асфальт с ямами. Лужи. Бетонные блоки. Дерево — берёза, тонкая, кривая, растёт из трещины в асфальте. Живая.

Миша остановился.

Перед ним — здание. Три этажа. Красный кирпич, местами облезлая штукатурка. Окна — большие, пыльные, но целые. Над входом — вывеска. Белая, пластиковая, простая:

«Сдаётся помещение. 2-й этаж. 150 кв.м.»

И номер телефона.

Миша стоял. Смотрел.

Не знал зачем остановился. Не знал, почему читает вывеску. Не знал, что именно тянет — в этом здании, в этих окнах, в этом кирпиче.

Постоял. Минуту. Две.

Достал телефон. Сфотографировал вывеску. Убрал телефон.

Пошёл дальше. Через дворы, через промзону, обратно к метро. Вечерело. Фонари зажглись — жёлтые, тусклые.

Не вернулся в офис.

Вечер. Больница. Пустили к отцу на десять минут.

Отец — лучше. Приподнялся на подушке. Тапочки стоят у кровати — мама поставила. Футболку надеть не дали — провода мешают.

— Мишка.

— Пап.

— Как на работе?

— Нормально.

— Врёшь.

Миша посмотрел на него. Отец смотрел в ответ. Тем же взглядом — точным, ясным, несмотря на лекарства и трубки. Видит.

— Не хочу тебя грузить.

— Я на больничной койке. Мне положено грузиться.

Помолчали.

— Тяжело, пап. На работе — тяжело. Не устал тяжело. По-другому.

— Знаю.

Миша посмотрел на него.

— Знаешь?

— Я тридцать пять лет в КБ отработал. Думаешь — мне каждый день было легко?

— Но ты же... ты работал. Каждый день. Не жаловался.

Отец посмотрел в окно. Там — ничего, стена соседнего корпуса. Кирпичи.

— Не жаловался — не значит не чувствовал. Просто решил, что так надо. Что взрослые — терпят. Что мужчины — не жалуются. Что семья важнее.

Пауза.

— Всё правильно решил. Кроме одного.

— Какого?

— Что это — единственный вариант.

Монитор плакал. За стеной — шаги медсестры.

— Ладно. Иди. Устал.

Миша встал. На пороге обернулся. Отец уже закрыл глаза.

— Пап.

— М?

— На Истру — поедem. Когда выпишут. Обязательно.

Отец не открыл глаза. Но уголки губ — дрогнули. Чуть-чуть.

— Термос возьмём.

Дома. Поздно. Алина уже поела — его порция на плите, под крышкой. Курица, гречка. Тарелка тёплая — значит, грела недавно. Ждала.

Ел стоя. У плиты. Быстро. Не сел — не хотелось садиться. Хотелось стоять. Двигаться. Тело просило — что-то. Не понятно что.

Алина вышла из комнаты.

— Как он?

— Лучше. Разговаривал.

— Хорошо.

— Алин.

— Да?

Миша хотел что-то сказать. Не знал — что. Что-то про отца. Про патент. Про «единственный вариант». Про вывеску на кирпичном здании. Про то что шёл пешком через промзону и чувствовал — что-то. Впервые за долгое время — что-то, кроме пустоты и страха.

— Спасибо. За чай. Вчера. В больнице. С сахаром.

Алина посмотрела на него. Секунду.

— Ты же не любишь с сахаром.

— Вчера — любил.

Она кивнула. Ушла.

Миша стоял на кухне. Тарелка в руке. Пустая.

Поставил в раковину. Достал телефон.

Фотография вывески. «Сдаётся помещение. 2-й этаж. 150 кв.м.» Номер телефона.

Смотрел. Долго.

Не позвонил. Не набрал номер. Не записал. Просто — смотрел.

Потом убрал телефон. Лёг.

Алина спала. Или не спала — не повернулась.

Потолок. Трещина в углу. Темно. Но она — там.

Миша закрыл глаза. Перед глазами — окна. Большие, квадратные, пыльные. Кирпич. Высокие потолки. Пространство.

Заснул. Впервые за три дня — заснул быстро.

Пятница. Суббота. Воскресенье.

Работал. Ездил в больницу. Отцу — лучше. Сорок восемь часов прошли — стабилен. Мама — немного отпустило, стала есть. Алина приезжала с ней — привозила еду, сидела, разговаривала про тапочки, про халат, про то какая медсестра в ночную смену и можно ли принести яблоки.

Миша ходил на работу. Делал отчёты. Антон рассказывал про новый матч. Сергей Викторович кивал в коридоре. Всё — как было. Механизм работал. Шестерёнки крутились. Принтер гудел.

Но.

На обеде — доставал телефон. Смотрел на фотографию. Вывеска. Номер. 150 кв.м.

В метро — доставал телефон. Смотрел. Убирал.

Ночью — не мог заснуть. Доставал. Смотрел. Убирал.

В воскресенье днём — Алина ушла к подруге. Миша остался один. Сел на кухне. Достал телефон. Посмотрел на фотографию.

Набрал номер.

Два гудка.

— Алё?

— Здравствуйте. Я по объявлению. Помещение на втором этаже.

— А, да. Свободно. Хотите посмотреть?

— Да.

— Завтра можете?

— Могу.

— Ну давайте. В час. Адрес знаете?

— Знаю.

Положил трубку. Сердце стучало. Быстро. Сильно. Как давно не стучало. Ладони — мокрые.

Сидел на кухне. Тишина. Холодильник гудит. Банка с сахаром, банка с солью, банка с рисом.

Не знал — что делает. Не знал — зачем. Не знал — что будет.

Но сердце стучало. И это было — что-то. После недель онемения и страха — сердце стучало. Живое. Быстрое. Его.

Глава 4: Пустое место

Понедельник. Без пятнадцати час.

Миша стоял у здания. Того самого. Красный кирпич, облезлая штукатурка, окна квадратные. Вывеска — белая, пластиковая. Видел её четыре дня назад. Казалось — месяц.

Отпросился с работы. Сказал Антону — «к врачу». Третья ложь за неделю. Или четвёртая. Не считал.

Нет. Первая была — «съезжу к родителям». Это он ещё не говорил. Это будет потом. Потом — когда?

Не думай. Просто стой. Просто жди.

Мужик подъехал на серой «Ладе». Вышел. Невысокий, пузатый, куртка-пуховик, кепка. Лет пятьдесят пять. Ключи в руке — связка, штук десять, на металлическом кольце.

— Вы — по помещению?

— Да.

— Пойдёмте.

Дверь — металлическая, тяжёлая. Потянул — скрипнула. Внутри — лестница. Широкая, бетонная. Стены — штукатурка, местами осыпалась. На стене второго пролёта — граффити: синие буквы, нечитаемые. Пахнет — сыростью, бетоном, чем-то старым. Не гнилым — просто старым. Как чердак. Как бабушкин шкаф.

Второй этаж. Площадка. Дверь — деревянная, обшарпанная, когда-то была коричневой.

Мужик отпер. Толкнул. Дверь пошла тяжело — низ чиркнул по бетону.

— Вот.

Миша вошёл.

Пространство.

Первое, что ударило — пространство. Много. Слишком много для одного человека, стоящего в дверях. Потолки — метра четыре. Может, четыре с половиной. Трубы под потолком — толстые, ржавые, тянутся из угла в угол. Стены — кирпич, красный, где-то заштукатурен, где-то голый. Штукатурка — серая, в трещинах, местами висит лоскутами. Пол — бетон. Грязный. Пятна — масляные, бурые, белёсые. Мусор — куски досок, обрывки плёнки, бутылки, окурки, какая-то тряпка.

Воздух — пыльный. Тяжёлый. Прохладный. Не холодный — прохладный. Как в подвале. Как в церкви.

Окна. Четыре. Большие, квадратные. Стёкла целые — но грязные так, что свет входил мутным, рассеянным. Как сквозь марлю.

Миша стоял. Смотрел.

Мужик прислонился к дверному косяку. Ждал. Терпеливо. Видимо — привык. Видимо — не первый приходит, смотрит и уходит.

— Бывшая текстильная фабрика. Закрылась в девяносто четвёртом. Здание выкупили в двенадцатом. На первом этаже — склад, мебель хранят. Третий — пустой. Второй — вот.

Миша пошёл вглубь. Медленно. Ботинки хрустели по мусору.

Подожёл к окну. Ближнему. Протянул руку — провёл пальцем по стеклу. Полоса. Чистая. Через неё — свет. Яркий, белый. Дневной.

Протёр ладонью. Шире. Стекло — грязь осыпалась хлопьями. За окном — двор. Асфальт, лужи, дерево. Берёза — та самая, из трещины. Дальше — крыши. Дальше — небо.

Убрал руку. На ладони — серая пыль. Вытер о джинсы.

Повернулся. Посмотрел на пространство — от окна, от света.

И увидел.

Не то что есть. То, что может быть.

Свет из окон — падает на пол, широкими прямоугольниками. Кирпич — если отмыть, зачистить — красный, тёплый, живой. Потолок — высокий, можно повесить лампы, длинные, на тросах. Трубы — оставить, покрасить в чёрный. Пол — под бетоном может быть дерево. Или залить бетон заново, положить лак. Столы — вдоль стен. Окна — чистые, открытые, много света.

Стоял. Видел.

Не думал. Не считал. Не планировал. Просто — видел.

Как отец говорил — «единственный вариант». Вот — другой вариант. Вот он. Пыльный, грязный, заваленный мусором. Но — другой.

Мужик сзади:

— Три года стоит. Никто не берёт. Далековато от центра. Но метро — десять минут пешком. И тихо тут. Соседи не шумят — внизу склад, мебельщики, работают до шести.

Миша повернулся.

— Сколько?

— Сто восемьдесят в месяц. Залог — пятьдесят. Если возьмёте — первый месяц скину двадцатку. За смелость.

Улыбнулся. Щербато. Не зло — устало.

Миша посмотрел на пространство ещё раз. Мусор. Пыль. Трубы. Свет из окна — полоса, чистая, на грязном полу.

— Я возьму.

Мужик поднял брови.

— Серьёзно?

— Да.

— Ну... Ладно. Залог — пятьдесят. Наличка или перевод. Договор оформим на неделю. Я вам скину реквизиты.

— Хорошо.

Мужик посмотрел на него. Оценивающе. Не с подозрением — с интересом. Как смотрят на человека, который делает что-то непонятное, но уверенно.

— А что тут будет?

Миша открыл рот. Закрыл.

— Не знаю ещё.

Мужик кивнул. Как будто это — нормальный ответ. Как будто люди каждый день снимают помещения, не зная зачем.

— Ключи отдам после залога.

Вышли. Мужик запер дверь. Пожали руки. Мужик сел в «Ладу», уехал.

Миша стоял на улице. Один.

Октябрь. Сыро. Облака — низкие, серые. Пахнет — мокрым кирпичом. Берёза в трещине асфальта — качается. Ветер.

Достал телефон. Открыл банковское приложение.

Общий счёт. Их с Алиной. Совместный. Три года — складывали. Каждый месяц — с его зарплаты тридцать, с её — двадцать. Иногда больше. Иногда — когда Алина получала премию — сразу пятьдесят. Она радовалась. Говорила — «ещё чуть-чуть и хватит на первый взнос».

812 000 рублей.

Экран светился. Цифры — чёткие, чёрные на белом. Внизу — кнопка «Перевести».

Миша смотрел.

Надо позвонить Алине. Рассказать. Про помещение. Про то, что хочет снять. Спросить. Обсудить. Как взрослые люди. Как пара, которая три года копила на квартиру.

Надо.

Палец завис над номером Алины. В избранных. Первая. С фотографией — улыбается, лето, парк, мороженое. Прошлый год.

Не нажал.

Вместо этого — вернулся в приложение банка. Набрал реквизиты. Из головы — мужик продиктовал, Миша запомнил. Он всегда хорошо запоминал цифры. Профессиональное.

Сумма: 50 000.

Палец над кнопкой «Подтвердить».

Пауза.

Долгая.

Ветер. Берёза качается. Откуда-то — звук электрички. Далёкий, протяжный.

Позвоню вечером. Расскажу. Это просто залог. Пятьдесят тысяч — не четыреста. Не половина. Мелочь. Она поймёт. Объясню — и поймёт. Это же не навсегда — если не выйдет, верну помещение, получу залог обратно. Просто попробовать. Просто посмотреть.

Вечером позвоню.

Нажал.

Экран мигнул. «Операция выполнена». 50 000 — ушли.

Баланс: 762 000.

Убрал телефон. Руки — дрожали. Мелко. Не от холода. От чего-то другого. Адреналин. Или тошнота. Или то и другое.

Выдохнул. Длинно. Пар изо рта — белый, растаял.

Пошёл к метро.

Вечером. Дом. Алина на кухне.

— Привет. Ты поздно. Как у врача?

У врача. Он же сказал Антону — «к врачу». Не Алине. Алине он — что сказал? Ничего. Ушёл с работы, и всё.

— Нормально. Плановый осмотр.

— Всё хорошо?

— Да. Всё нормально.

Алина кивнула. Поставила тарелку. Макароны, сосиски. Просто. Устала — видно. Тоже работала. Тоже — весь день.

Ел. Она — напротив. Чай. На холодильнике — список. Её почерк, ровный, аккуратный: «Квартира — первый взнос. Мебель (кухня, спальня). Ремонт (коридор, ванная).»

Внизу — сердечко. Маленькое, нарисованное машинально. Как подпись.

Миша смотрел на список. Жевал. Сосиска — безвкусная. Или это он — безвкусный. Не различает.

— Алин.

— М?

Пауза.

— Как на работе?

— Нормально. Акт сверки с «Монолитом» делала. До шести сидела.

— Угу.

Ел. Она пила чай. Телевизор в комнате бормотал — ток-шоу, кто-то кого-то обвиняет.

— Я к папе завтра после работы поеду. Ты со мной?

— Конечно. Я ему яблоки купила. Антоновку. Он же любит?

— Любит.

Она кивнула. Допила чай. Помыла чашку. Вытерла.

— Я спать. Устала.

— Ага. Спокойной ночи.

— Спокойной.

Ушла.

Миша сидел на кухне. Тарелка пустая. Список на холодильнике. Сердечко.

Достал телефон. Банковское приложение. 762 000. Было 812 000. Разница — 50 000. Залог. За помещение, которое пустое. За идею, которой нет. За «не знаю что».

Пятьдесят тысяч. Немного. Почти незаметно. Если Алина посмотрит — может, не заметит. Или заметит — но подумает, что-то купил, оплатил, потратил. Бывает. Пятьдесят тысяч — не катастрофа.

Завтра расскажу.

Закрыв приложение. Убрал телефон.

Лёг. Алина спала. Лицо спокойное, губы чуть приоткрыты. Дышала ровно.

Миша лежал рядом. Смотрел на неё. Давно не смотрел — так. Внимательно. Ресницы длинные. Родинка на шее — слева. Была всегда, с первого дня. Он тогда подумал — красивая родинка. Странная мысль. Кто думает про родинки?

Три года. Вместе. На этой кровати, в этой квартире, в этой жизни. Она копила. Он копил. Вместе. Для общего.

А он — сегодня — забрал пятьдесят тысяч. Молча.

Не забрал. Вложил. Временно. Верну если не выгорит. Это не то же самое что забрал.

Завтра расскажу.

Закрыв глаза.

Не рассказал.

Вторник. Среда. Четверг.

Не рассказал.

На работе — на автопилоте. Отчёты, звонки, совещания. Тело — в офисе. Голова — в помещении. Стоит там, среди мусора, и видит — то что может быть.

В обед — вместо столовой — ехал на метро. Десять минут. Выходил. Шёл к зданию. Поднимался. Отпирал — мужик отдал ключи во вторник, после перевода.

Заходил.

Стоял.

Просто стоял и смотрел. Трогал стены. Пинал мусор. Считал шаги от стены до стены — двенадцать. От окна до двери — девятнадцать. Большое. Его.

Не его. Арендованное. На чужие деньги. Но — когда стоял внутри, в пыли и тишине, с мутным светом из грязных окон — чувствовал. Что-то. Не радость. Не уверенность. Что-то более простое.

Что он — на месте.

Впервые за долгое время — на месте.

В четверг вечером мужик скинул договор. Миша подписал. Электронно. На телефоне. В метро, между станциями. Рядом — женщина с ребёнком в коляске. Ребёнок спал. Женщина смотрела в телефон. Миша — подписывал договор аренды.

Мир не заметил.

Пятница. Больница. Отца перевели в обычную палату. Кислородную маску сняли. Сидел на кровати, ноги свесил. Тапочки надел. Мамины войлочные.

— Мишка. Выгляжу?

— Как огурец.

— Врёшь. Но приятно.

Мама рядом. Чистила яблоко — антоновку, от Алины. Тонко, аккуратно. Спираль кожуры — длинная, не рвётся. Тридцать лет чистит яблоки — ни разу не порвала спираль.

Алина не приехала — задержалась на работе. Позвонила маме, извинилась. Мама сказала — ничего, в следующий раз.

Миша сидел на стуле. Смотрел на отца. Живой. Слабый, бледный, в больничной рубашке — но живой. Жуёт яблоко. Тапочки на ногах.

— Пап.

— А?

— Я хочу кое-что сделать. Не знаю пока — что именно. Но чувствую — надо.

Отец перестал жевать. Посмотрел.

— Чувствуешь — это хорошо. Что мешает?

— Не знаю. Страшно, наверное.

— Страшно — нормально. Было бы не страшно — было бы подозрительно.

Мама подняла голову от яблока. Посмотрела на Мишу. Потом — на отца. Ничего не сказала. Продолжила чистить.

Но Миша заметил — взгляд. Короткий, быстрый, от Миши к отцу и обратно. Как будто что-то поняла. Или — давно понимала.

Суббота.

Алина ушла к маме. На весь день — помогать с ремонтом в ванной. Позвала Мишу — он сказал, устал, отдохну. Она не настаивала.

Миша поехал в помещение.

С сумкой. В сумке — перчатки, мусорные мешки, тряпки. Купил утром в хозяйственном. На свои — с карточки, не с общего счёта. Мелочь — семьсот рублей. Но почему-то было важно — на свои.

Открыл дверь. Вошёл.

Начал.

Мусор. Собирает руками — в перчатках, на коленях. Доски, бутылки, плёнка, тряпье, окурки. Мешок за мешком. Тяжёлые — нести вниз по лестнице. Три этажа. Контейнер во дворе. Наверх. Ещё мешок. Ещё.

Через два часа — три угла чистые. Четвёртый — завален сильнее, какие-то ящики, поддоны. Не осилил — оставил.

Устал. Сел на пол. Спинной к стене. Кирпич — холодный, шершавый.

Сидел. Дышал. Пыль в воздухе — видно в луче из окна. Мелкие частицы. Танцуют. Медленно, бесшумно.

Тихо. Так тихо, что слышно — город. Далёкий. Гул. Где-то — электричка. Где-то — сигналит машина. Но всё — за стенами. Здесь — тишина. Его тишина.

Посмотрел на чистый пол. Бетон. Серый, в пятнах. Но — чистый. Он сам его очистил. Своими руками. Вот — результат. Вот — до. Вот — после. Конкретно. Физически.

Не отчёт. Не график. Не стрелочка вверх на слайде.

Пол.

Встал. Продолжил.

Вечером — дома. Руки красные, мышцы гудят. Принял душ. Горячая вода — обжигающая, хорошо.

Алина вернулась в девять. Тоже уставшая.

— Как отдохнул?

— Нормально.

— Ты пыльный какой-то был, когда я пришла. В коридоре — ботинки все серые.

— Гулял. В парке. Там дорожки размыло.

Ложь. Ещё одна. Мелкая. Незаметная. Как пятьдесят тысяч. Как «к врачу». Как «завтра расскажу».

Каждая — легче предыдущей.

Вот что страшно.

Глава 5: Инерция лжи

Две недели.

Четырнадцать дней — и у Миши стало две жизни.

Первая — офис. Стол четвёртый слева. Принтер. Отчёты. Антон, Промес, комплексный обед. Сергей Викторович — кивок в коридоре. CRM-система. Галочки.

Вторая — помещение. Ключ в кармане. Тяжёлая дверь, лестница, запах пыли и кирпича.

Между ними — метро. Десять минут. Целая жизнь.

Понедельник. Вторник. Среда первой недели.

На работе — как обычно. Только хуже.

Отчёт по Западному направлению — ошибка в формуле. Поехали цифры. Сергей Викторович написал в рабочий чат: «Миша, проверь. Расхождение по третьему кварталу». Миша проверил. Нашёл. Исправил. Три часа на ерунду — раньше заметил бы сразу.

Звонок клиенту — забыл перезвонить. Клиент написал Сергею Викторовичу напрямую. Сергей Викторович переслал Мише: «???». Три вопросительных знака. Без слов. Хуже, чем слова.

Миша перезвонил. Извинился. Голос — ровный, вежливый. Профессиональный. Тело работает. Голова — в помещении. Считает: сколько стоит краска. Сколько — электрик. Сколько — новые стёкла в окна. Цифры, но другие. Живые.

На обеде — не ел. Сидел в столовой, ковырял рыбу. Антон рассказывал про тещу. Миша кивал. Не слышал.

— Мишка, ты в порядке?

— Да. Не выспался.

— А, ну давай. Выпись. Лицо — как у зомби, без обид.

Вечером — в помещение. Полтора часа до закрытия метро. Не успевал много — но успевал что-то. Во вторник — отдирает старую штукатурку со стены. Шпателем. Монотонно. Шкрябь, шкрябь, шкрябь. Штукатурка сыпалась на пол — серая, сухая, пылит. Под ней — кирпич. Красный. Крепкий. Хороший.

В среду — мыл окна. Ведро воды, тряпка, газета. Как мама учила — газетой, чтобы не было разводов. Стекло — грязь въелась. Тёр. Менял воду. Тёр снова. Одно окно — час. Четыре окна — четыре часа. Не за один вечер. Но — начал.

Первое чистое окно.

Стоял перед ним. Свет — яркий, чистый, белый. Влился в помещение. Лёг на пол прямоугольником. Чётким, ровным.

Пыль в воздухе — видно каждую частицу.

Вот — до. Вот — после. Одно окно. Чистое.

Четверг первой недели.

Утро. Офис. Сергей Викторович — в коридоре. Не кивнул — остановился.

— Миша. Зайди.

Кабинет. Маленький. Стол, два стула, шкаф с папками. На стене — грамота «Лучший менеджер 2019». Не Мишина — Сергея Викторовича.

— Садись.

Сел.

Сергей Викторович — за столом. Руки сложены. Галстук синий. Лицо — спокойное. Не злое. Не недовольное. Спокойное. Как у врача в больнице — привычка говорить неприятное.

— Миша, ты последний месяц — не здесь. Я вижу. Все видят. Отчёт по Западному — с ошибкой. Звонок «Северстрою» — пропустил. Вчера на совещании — спросил тебя по презентации. Ты не знал о чём речь.

Пауза.

— Я понимаю — отец, больница, стресс. Это серьёзно. Я не машина, я понимаю.

Пауза.

— Но работа — работа. Возьми неделю за свой счёт. Отдохни. Разберись. Вернёшься — поговорим.

Миша смотрел на него. На галстук. На грамоту на стене. На папки в шкафу — ровные, подписанные, с цветными корешками.

— Хорошо.

Встал. Вышел.

Антон — в курилке, через стеклянную дверь видно. Вернулся к столу. Открыл ноутбук. Написал письмо — передача дел на неделю. Кому что. Автоматически. Тело работает.

Закрыв ноутбук. Положил в сумку.

Нет. Ноутбук — рабочий. Оставил. Взял свою сумку. Телефон, зарядка, блокнот. Всё.

Вышел.

В метро — набрал Лёху. Не знал зачем. Просто — набрал.

Три гудка.

— Мишка! Ты чё, в рабочее время звонишь? Я на смене.

— Лёх, я...

— Погоди, тут шумно. Сейчас отойду.

Шум. Лязг. Гул. Потом — тише.

— Ну?

— Мне дали неделю. За свой счёт.

— Чё случилось?

— Работаю плохо. Косячу.

— Из-за отца?

Пауза.

— Из-за всего.

Лёха помолчал. Миша слышал — дышит. Тяжело. После смены, наверное.

— Миш, ты нормально вообще? Ты голос какой-то...

— Нормально. Лёх, я потом перезвоню.

— Давай. Звони если что. Серьёзно.

— Ага.

Отбой.

Стоял в вагоне. Телефон в руке. На экране — Лёха. Фотография — шашлыки, лет пять назад, оба загорелые, Лёха с пивом, Миша с гитарой. Он тогда ещё играл. Немного. Плохо. Но играл. Потом — бросил. Некогда. Не до того. Гитара — у мамы, в кладовке.

Убрал телефон.

Поехал в помещение.

Неделя «за свой счёт».

Не отдыхал. Ни одного дня.

С утра — в помещение. Восемь утра — приезжал. Открывал дверь — скрип. Включал свет — лампочка голая, одна, в центре потолка, тусклая. Переодевался — старые штаны, футболка, которую не жалко.

Работал.

Понедельник — штукатурка. Сдирал со всех стен. Методично, метр за метром. Шпатель, молоток, руки. Пыль — везде. В носу, в горле, в волосах. К вечеру — кашлял.

Вторник — мусор. Последний угол, с ящиками. Разобрал. Ящики — тяжёлые, деревянные, набиты чем-то. Открыл — тряпки, ветошь, какие-то журналы. Выбросил. Поддоны — вынес. По лестнице. Вниз. Три этажа. Поддон — килограммов тридцать. Четыре поддона. Спина.

Среда — пол. На коленях. С ведром и щёткой. Тёр бетон. Пятна — масляные, не отходят. Тёр сильнее. Вода — чёрная. Менял. Тёр. Менял.

К вечеру среды — помещение было чистым. Не красивым — чистым. Голые кирпичные стены. Бетонный пол — мокрый, серый. Чистые окна — четыре квадрата света. Пустота.

Чистая пустота.

Миша стоял посередине. Мокрый. Грязный. Спина не разгибалась. Руки — красные, мозоли на ладонях. Два ногтя — сорвал, когда таскал ящики. Не заметил.

Стоял и смотрел.

Пространство. Его. Чистое. Пустое.

Хотелось — нет, не плакать. Не смеяться. Хотелось — стоять. Долго. В тишине.

Постоял.

Четверг — электрик.

Позвонил Лёхе.

— Лёх, у тебя электрик знакомый был?

— Витька? Да, есть. А тебе зачем?

— Надо проводку проверить. В одном помещении.

— Каком помещении?

Пауза. Миша не был готов к этому вопросу. Не придумал ответ.

— Потом расскажу. Скинь номер?

Лёха скинул. Не стал допрашивать. Но Миша слышал — в тишине перед «скинул» — вопрос. Повисший. Лёха запомнил.

Витька приехал в пятницу. Мужик лет сорок, молчаливый, с чемоданчиком. Ходил, смотрел, тыкал отвёрткой-индикатором в розетки.

— Проводка — менять. Алюминий, советская. Не потянет нагрузку. Если хочешь тут что-то серьёзное — медь нужна.

— Сколько?

— Работа — двадцать пять. Материал — примерно столько же.

Двадцать пять плюс двадцать пять. Пятьдесят тысяч. Столько же, сколько залог.

Миша кивнул.

— Делай.

Витька начал в субботу. Миша помогал — штробил стены, протягивал кабель. Штробить — перфоратором, арендованным. Шум, пыль, бетонная крошка. Руки трясутся от вибрации.

Витька работал молча. Изредка:

— Левее. — Держи. — Отойди.

Всё. Человек дела. Не слов.

К воскресенью — новая проводка. Розетки. Двенадцать штук. Свет — три точки, по зонам. Витька щёлкнул выключателем — загорелось. Ярко. Помещение — как будто вздохнуло. Ожило.

Миша заплатил. Двадцать пять — Витьке. Двадцать пять — за материалы. Банковское приложение. Общий счёт. Перевод.

762 000 минус 50 000 = 712 000.

Нет. Уже не 762. Уже были расходы. Мусорные мешки, перчатки, щётки, вёдра, шпатели. Аренда перфоратора. Обеды — шаурма на углу, каждый день. Мелочь, мелочь, мелочь.

Открыл приложение. Посмотрел.

698 000.

Было 812. Стало 698. Минус 114 тысяч. За две недели.

Смотрел на цифру. 698 000.

Закрыл приложение.

Это инвестиция. Я зарабатываю на этом — потом. Это не трата — вложение. Когда заработает — всё вернётся. Верну каждый рубль. Алина увидит и поймёт. Увидит — чистые стены, окна, свет — и поймёт. Она умная. Она поймёт.

Закрыл. Убрал.

Вторая неделя. Должен был вернуться на работу. Понедельник.

Не вернулся.

Написал Сергею Викторовичу — «нужно ещё несколько дней, отец». Сергей Викторович ответил: «Хорошо. Но в среду — жду. Есть разговор».

В среду. Есть разговор. Миша прочитал и убрал телефон.

Понедельник и вторник — краска.

Белая. Водоэмульсионная. Четыре банки по десять литров. На общий счёт — семь тысяч двести. Валик, кисти, лоток, малярный скотч — ещё три.

Красил.

Стену за стеной. Валик — вверх, вниз. Вверх, вниз. Монотонно. Мокрый звук — шлёп, шлёп. Капли — на пол, на руки, на лицо.

Одну стену оставил — кирпич. Зачистил, протёр, покрыл лаком. Лак — две тысячи. С общего.

Считал? Нет. Перестал считать. Перестал открывать приложение. Перестал смотреть на цифры.

Каждый раз когда доставал телефон для перевода — секунда. Короткая. Что-то внутри — сжималось. Как спазм. Мелкий, привычный. Как зубная боль, к которой привык — не замечаешь, но она есть.

Нажимал «подтвердить». Спазм проходил. До следующего раза.

Она поймёт. Увидит — и поймёт.

Среда. Офис.

Пришёл в девять. Чистая рубашка, но руки — красные, с мозолями. Царапина на запястье — от штробления. Ноготь на указательном пальце — чёрный. Не заметно, если не смотреть.

Антон посмотрел.

— Мишка, ты чё, на стройке подрабатываешь?

— Родителям помогал. Ремонт.

Антон кивнул. Принял.

Десять утра. Сергей Викторович.

— Зайди.

Тот же кабинет. Тот же стул. Та же грамота.

Но — другое. Миша почувствовал сразу. По воздуху. По тому, как Сергей Викторович сидел — не откинувшись, а прямо. Руки на столе. Папка перед ним.

— Миша. Садись.

Сел.

— Я думал эту неделю. Про тебя. Про ситуацию.

Пауза.

— Ты хороший сотрудник. Был хороший сотрудник. Пять лет — без нареканий. Но последний месяц... Ты понимаешь.

— Понимаю.

— Отчёт по Западному — ошибка, которую стажёр не допустит. «Северстрой» — чуть не потеряли контракт. На совещании в прошлый четверг — тебя спросили про КРІ по третьему кварталу, ты не знал цифру. Свою цифру. Которую ты считал.

Миша молчал.

— Я говорил — возьми неделю. Ты взял две. Я понимаю — отец. Но ты вернулся — и я вижу. Ты не здесь.

Посмотрел Мише в глаза. Прямо.

— Давай по-хорошему. Две недели на передачу дел. Рекомендацию напишу. Хорошую, без вопросов. Выходное пособие — за месяц.

Тишина. За стеной — принтер гудит. Кто-то смеётся в коридоре. Мир — продолжается.

Миша сидел на стуле. Смотрел на Сергея Викторовича. На его галстук — синий, как всегда. На папку на столе — его дело, наверное.

Хотел сказать — «дайте ещё шанс». Открыл рот.

И вдруг — увидел. Ясно, чётко, как через чистое окно. Себя — через пять лет. На этом стуле. С этим принтером. С этим компотом. Галочки в CRM. Стрелочки вверх. Совещания.

И отца — на больничной койке. «Не откладывай, Мишка».

Закрыв рот.

— Хорошо.

Сергей Викторович кивнул. Не удивился. Может — ждал сопротивления. Может — наоборот. Не понять.

— Передачу дел — до пятницы следующей. Если нужна помощь — Антон поможет.

— Хорошо.

Встал. Вышел.

К столу. Четвёртому слева. Второй ряд. Принтер — гудит. Экран — спящий режим. Кружка — на столе, след от кофе на дне. Зарядка — в розетке. Блокнот — одно слово, «Северный», обведённое два раза.

Сел. Посидел.

Антон подошёл.

— Миш. Ты чё?

— Ухожу.

— В смысле?

— Увольняюсь.

— Да ладно. Серьёзно? Куда?

Миша посмотрел на него. Антон — лицо круглое, глаза круглые, рот — приоткрыт. Удивление.

— Не знаю.

Антон моргнул.

— Ну... Ты это... Удачи, что ли.

— Спасибо.

Пятница следующей недели. Последний день. Передал дела. Антон — растерянный, переспрашивал по три раза. Не привык — без Миши. Пять лет рядом. Стол к столу.

Миша собрал вещи. Кружка. Зарядка. Блокнот.

Всё.

Пять лет — кружка, зарядка, блокнот.

Положил в пакет. Не в сумку — в пакет. Полиэтиленовый, из «Пятёрочки».

На выходе — Сергей Викторович. Пожал руку.

— Удачи, Миша. Если что — звони.

— Спасибо, Сергей Викторович.

Кивнул. Пошёл к лифту. За спиной — офис. Двадцать два стола. Принтер гудит.

Лифт. Вниз. Вертушка. Пиканье. Улица.

Стоял. Пакет в руке. Кружка, зарядка, блокнот.

Октябрь. Холодно. Серо. Люди — мимо. На обеды, на встречи, по делам.

Миша стоял.

Не свобода. Не облегчение. Не кайф.

Падение.

Без работы. Без зарплаты. С уходящими деньгами на чужом — нет, общем — нет, уже почти — чужом счёте. С помещением, в котором голые стены и свежая краска. С враньём, которое растёт, как трещина в потолке.

Стоял на улице с пакетом из «Пятёрочки».

Что я делаю?

Ветер. Холодный. В лицо.

Что я делаю?

Не ответил.

Пошёл к метро.

Дома. Алина ещё на работе. Пусто.

Поставил пакет на стол. Достал кружку. Поставил рядом с раковиной.

Зарядку — в ящик.

Блокнот — открыл. Пролистал. Записи. «Северный — сроки до 15.10», «Позвонить Игнатьеву», «KPI Q3 — уточнить у Ани». Почерк — его. Ровный, мелкий.

Закрыл. Положил на полку. За книгами. Не выбросил — убрал.

Сел на кухне. На табуретке. Той самой.

Тишина.

Холодильник. Банка с сахаром, банка с солью, банка с рисом. Список на дверце — «Квартира — первый взнос». Сердечко.

Достал телефон. Открыл приложение.

Долго не смотрел. Две недели не смотрел.

582 000.

Было 812. Стало 582. Минус 230 тысяч.

Залог — 50. Первая аренда — 160, со скидкой. Электрик — 50. Материалы — краска, инструменты, перфоратор, лак, мелочи — остальное.

Двести тридцать тысяч рублей. За три недели.

Смотрел на цифру. На список на холодильнике. Цифра — 582. Список — «Квартира».

Я верну. Когда заработает — верну всё. Каждую копейку. Она поймёт. Потом — поймёт.

Потом.

Потом.

Потом.

Как отец — потом. Всю жизнь — потом.

Закрыл приложение. Положил телефон экраном вниз.

Сидел.

Ключ в замке. Алина.

— Привет! Что-то рано ты. Отпустили?

Повесила куртку. Пришла на кухню. Увидела кружку — офисную, рядом с раковиной.

— Это что, твоя рабочая?

— Да.

— Ты чего её принёс?

Пауза.

— Уволили, Алин.

Она остановилась. Стояла в дверях кухни. Одна рука — на косяке. Другая — сумка на плече.

— Как — уволили?

— По-хорошему. Рекомендацию дали. Выходное пособие.

— Но... Почему?

— Работал плохо. Последний месяц — плохо. Косячил.

— Из-за папы?

— Из-за всего.

Алина медленно опустила сумку на пол. Медленно — села на табуретку. Напротив.

— Миш, это серьёзно. У нас — аренда, коммуналка, кредит за стиралку...

— Я знаю.

— Что ты будешь делать?

— Найду что-то.

— Что?

— Не знаю. Найду.

Алина смотрела на него. Долго. Глаза — тёмные, внимательные. Не злые. Тревожные.

— Миш.

— Да.

— С тобой что-то происходит. Я вижу. Последние недели ты — другой.

— Я нормально.

— Ты не нормально. Ты приходишь поздно. У тебя руки — в мозолях. Ногти — ободранные. Ты не спишь по ночам — я слышу.

Миша посмотрел на свои руки. На мозоли. На чёрный ноготь. Спрятал руки под стол.

— Помогал родителям. С ремонтом.

— Каким ремонтом?

— В ванной.

— Миша, я разговариваю с Верой Николаевной три раза в неделю. Она ни разу не говорила про ремонт.

Тишина.

Миша сидел. Алина — напротив. Между ними — стол, две тарелки, солонка. И ложь — невидимая, плотная, как пыль в помещении до уборки.

— Алин. Я потом расскажу. Не сейчас. Хорошо?

— Почему не сейчас?

— Потому что я сам ещё не понимаю.

Она смотрела. Секунду. Две. Три. Потом — кивнула. Медленно.

— Ладно. Но Миш — ты меня пугаешь.

— Не надо пугаться. Всё будет нормально.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она встала. Подогрела ужин. Поели — молча. Телевизор — выключен. Тишина. Только вилки по тарелкам.

Миша ел и чувствовал — обещание. Как камень. Тяжёлый. В груди. «Всё будет нормально». Сказал — и стало тяжелее. Потому что не знает. Не знает, будет ли нормально. Не знает — что делает. Не знает — зачем.

Но остановиться — не может.

Вот что страшно. Не то, что начал. А то, что не может остановиться.

Следующая неделя. Без работы. Без оправданий. Без «отпросился» и «у врача».

Алина уходила утром — на работу. Миша — через полчаса. В помещение.

Теперь — полный день. С девяти до шести. Иногда — до восьми.

Сантехник — Витька посоветовал. Пришёл, посмотрел. Туалет — «менять всё, трубы — говно, раковина — менять, унитаз — менять». Пятнадцать тысяч работа, двадцать — материалы.

С общего счёта. Перевод. Подтвердить.

Стёкла. Одно треснутое — в дальнем окне. Заказал. Привезли. Поставили. Восемь тысяч.

С общего счёта.

Мебель. Авито. Каждый вечер — листал. Столы — офисные, б/у, IKEA, разные. Один — за три тысячи. Другой — за полторы. Третий — увидел на помойке. Настоящий. Стоял у контейнера за «Пятёрочкой» — деревянный, тяжёлый, советский. Ножка шаталась. Забрал. Притащил — на себе, по улице, триста метров. Люди смотрели. Мужик тащит стол по тротуару. Нормально.

Починил ножку. Прикрутил уголком. Держит.

Стулья — Авито, оптом. Восемь штук — четыре тысячи. Разные. Деревянные, офисные, один — барный. Привезли на «газели». Затащил наверх. По лестнице. Один.

Кофемашина — Авито. Б/у, итальянская, рабочая. Пятнадцать тысяч. Продавец — парень, переезжает. «Берите, хорошая машина, просто не влезает в новую кухню». Забрал.

С общего счёта.

Не открывал приложение. Не смотрел баланс. Переводил — и закрывал. Быстро. Как выдёргивают пластырь — одним движением, не думая.

Каждый вечер — дома. Алина — ужин, телевизор, кровать.

Миша — душ (долго, горячий, смыть пыль и краску). Ужин. Разговоры — короткие.

— Как день?

— Нормально. Искал работу. Ходил на собеседование.

Не ходил. Ни на одно. Ни разу.

— Как?

— Пока ничего конкретного. Но есть варианты.

Нет вариантов. Ни одного.

— Миш, может мне у Оксаны спросить? У них в фирме вроде менеджер нужен.

— Не надо. Я сам.

— Ты уверен?

— Уверен.

Ложь. Ложь. Ложь.

Каждый день — одна. Или две. Мелкие, привычные, лёгкие.

Как переводы с общего счёта. Первый — дрожали руки. Десятый — автоматически.

Воскресенье. Конец второй недели без работы.

Утро. Алина — дома. Выходной.

— Миш, давай сходим куда-нибудь? В парк? Или в кино? Сто лет не были.

— Давай. Вечером?

— Давай вечером. Я пока — уберу, постираю.

— Ок. Я — пробегусь.

Не пробежался. Поехал в помещение. На час. Только проверить — сантехник обещал доделать.

Час стал двумя. Два — тремя. Сантехник задержался, потом — Миша решил покрасить трубы под потолком. Чёрная краска, кисть на длинной палке. Тянешься — шея затекает, рука немеет. Но — красиво. Чёрные трубы на белом потолке. Графично. Правильно.

Пять часов вечера. Телефон.

Алина: «Ты где? Мы же в кино собирались»

Миша посмотрел на экран. На часы. Пять. Обещал — вечером. Вечер — вот.

Написал: «Прости, задержался. Бегу. Через час»

Через час — не успел. Доехал к семи. Алина — на кухне. Не злая. Не обиженная. Уставшая.

— Не пойдем уже. Поздно. Сеанс был в шесть.

— Прости.

— Ничего.

Но «ничего» было — не ничего. Было — что-то. Маленькое, тихое. Как задутая свеча. Дымок — и всё.

Миша стоял в коридоре. В ботинках — пыль. На штанах — чёрная краска. На руках — мозоли.

Алина посмотрела на ботинки. На штаны.

— Ты же бегал.

— Да. Через парк. Там стройка, грязно.

Кивнула. Не поверила. Он видел — не поверила. Но не спросила. Потому что — устала спрашивать. Или потому что — боялась ответа.

Пужинали. Легли. Далеко друг от друга. На одной кровати — но далеко.

Миша лежал. Потолок. Трещина.

Ещё немного. Ещё чуть-чуть. Доделаю — и расскажу. Покажу ей. Приведу — и покажу.

Чистые стены. Окна. Свет. Столы. Она увидит — и поймёт.

Она поймёт.

Поймёт.

Не заснул. Долго. Рядом — Алина. Дышала ровно. Но Миша знал — не спит. Оба не спали. Оба молчали.

Между ними — кровать. И ложь. И четыреста тысяч рублей, которых уже нет.

Глава 6: Четыреста тысяч

Вторник.

Миша пришёл домой в девять. Поздно — даже по новым меркам. Красил барную стойку. Три слоя лака — каждый сохнет час. Ждал. Красил. Ждал. Красил.

Стойку собрал из поддонов. Тех самых — которые вынес из помещения в первую неделю. Вернулся за ними на следующий день. Притащил обратно, наверх, по лестнице. Разобрал. Зачистил доски шкуркой. Собрал заново — по-другому. Прикрутил. Стойка.

Пахнет лаком. Руки — в лаке. Джинсы — в лаке. Куртку снял в коридоре — на ней тоже. Тихо.

Обычно — телевизор. Или вода на кухне. Или Алина — шаги, голос, звук.

Тихо.

Свет на кухне горит. Миша снял ботинки. Прошёл.

Алина сидела за столом. Спина к окну. Перед ней — телефон. Экран горит. Голубоватый свет на лице. Лицо — спокойное. Неподвижное.

Миша остановился в дверях.

— Привет.

Алина не подняла глаза. Смотрела в телефон. Секунду. Две. Потом — подняла. Посмотрела на него. Медленно. Как смотрят на вещь, которую видишь впервые — хотя видел тысячу раз.

— Четыреста двенадцать тысяч.

Голос — ровный. Тихий. Без вопросительной интонации. Не вопрос — констатация.

— Что?

— На счету. Нашем. Общем.

Повернула телефон экраном к нему. Банковское приложение. Цифра — 412 000. Чёткая, чёрная, на белом.

— Было восемьсот двенадцать. Я помню — в сентябре смотрела. Восемьсот двенадцать. Три года.

Пауза.

— Куда делись четыреста тысяч, Миша?

Тишина.

Холодильник гудит. За окном — двор, фонарь, свет жёлтый. Кран на кухне — капает. Давно капает. Миша хотел починить. Не починил.

Стоял в дверях. Куртка в лаке. Руки в лаке. Алина — за столом. Между ними — три метра. Линолеум, табуретки, стол. Три метра.

Мог соврать. Мог сказать — ошибка банка. Мог сказать — одолжил другу. Мог сказать — украли, мошенники, звонили с номера. Есть варианты. Секунда — и выбрать. Открыть рот — и выбрать.

Смотрел на неё. На лицо. Спокойное. Ровное. Она сидела — прямо, руки на столе, телефон между ладонями. Не плакала. Не кричала. Ждала.

И Миша понял — она знает. Не детали. Не адрес, не помещение, не поддоны и лак. Но — знает. Знает что он врал. Знает что деньги — не случайность. Знает — давно. Может — с тех ботинок в пыли. Может — с «бегал в парке». Может — раньше.

Ждала — когда сам скажет. Не дождалась. Открыла приложение.

— Я снял помещение.

Голос — свой, чужой. Хриплый. Тихий.

— Ремонтирую. Хочу открыть... место. Для людей. Коворкинг. Пространство. Не знаю ещё точно — что. Но...

— На наши деньги.

Не вопрос.

— Да.

— Не спросив.

— Да.

— Четыреста тысяч — не спросив.

— Да.

Алина смотрела на него. Глаза — тёмные. Сухие. Ни слезинки. Лицо — как маска. Красивая, спокойная маска. За которой — что?

— Я хотел рассказать. С самого начала — хотел. Но...

— Но — что?

— Не знал как.

— Как — «не знал как»? Сесть. Сказать. Словами. «Алина, я хочу снять помещение. Давай обсудим». Вот так. Сложно?

Миша молчал. Не сложно. Просто. Так просто, что — невозможно. Потому что если бы сказал — она бы спросила. «Зачем? На какие деньги? А квартира? А первый взнос? А три года?» И он бы не смог ответить. Потому что ответа — нет. Есть — чувство. Грязный пол, который стал чистым. Окно, которое стало прозрачным. Стена, которая стала белой. Это — не ответ. Это — не аргумент. Это — ничего. Для неё — ничего.

— Я думал — сначала сделаю. Покажу. Ты увидишь — и поймёшь.

— Пойму — что? Что ты украл наши деньги?

Украл. Слово — как пощёчина. Тихая, точная.

— Я не крал. Я...

— Взял без спроса. Четыреста тысяч. С общего счёта. Тайно. Это — что, если не кража?

Миша открыл рот. Закрыл. Открыл.

— Я верну.

— Когда?

— Когда заработает.

— Что — заработает? Помещение? Коворкинг? Ты когда-нибудь открывал коворкинг? Ты знаешь — как? Ты бизнес-план писал? У тебя есть клиенты? Хоть один?

Молчал. Нет. Нет. Нет. Нет.

— У тебя нет работы, Миша. Тебя уволили. И вместо того чтобы искать — ты тратишь наши деньги на сарай с кирпичными стенами.

Сарай. Сарай с кирпичными стенами.

Он видел — белые стены, чистые окна, свет, стойку из поддонов, чёрные трубы на потолке. Она видела — сарай. Потому что не была там. Потому что он не показал. Потому что — не сказал.

— Алин. Если бы ты увидела...

— Что бы я увидела? Четыреста тысяч, размазанных по стенам?

Тишина.

Кран капает. Кап. Кап. Кап.

Алина положила телефон на стол. Экраном вниз. Медленно. Аккуратно. Как кладут хрупкую вещь.

Сложила руки. Посмотрела на них. На свои руки. Тонкие пальцы, короткие ногти — не красит, некогда. Обручального кольца нет — не расписаны. Три года вместе, не расписаны. Планировали — после квартиры.

Подняла глаза.

— Ты знаешь, что мне было двенадцать, когда папа ушёл?

— Знаю.

— Ты знаешь — почему?

— У него был... проект. Какой-то.

— Мастерская. Он хотел открыть столярную мастерскую. Всю жизнь хотел. Работать руками. Делать мебель. Красивую, деревянную, настоящую.

Пауза.

— Мама говорила — подожди. Денег нет. Мне — двенадцать, брату — семь. Садик, школа, продукты. Давай потом. Накопим — и потом.

Пауза.

— Он не стал ждать. Взял деньги — все, что были. Мамины, их общие. И ушёл. Снял гараж. Купил инструменты. Сказал — «ты поймёшь потом. Это для нас. Для лучшего будущего».

Голос — ровный. Как линейка. Ни дрожи, ни срыва. Двадцать семь лет тренировки — с двенадцати лет тренировки.

— Мастерская не получилась. Через полгода — закрылась. Деньги кончились. Он не вернулся. Не потому что не мог — потому что стыдно. Прислал открытку на Новый год. Одну. Больше — ничего.

Пауза.

— Мама работала на двух работах. Я — в четырнадцать — мыла полы в подъезде. Брат — носил газеты. Мы три года ели макароны. Каждый день. Макароны.

Миша стоял. Не двигался. Не мог.

— И ты сейчас — говоришь его словами. Слышишь? «Она поймёт потом». «Это для нас». «Для лучшего будущего». Слово в слово.

Тишина.

Она права. Он это слышал — сейчас, в её голосе — свои мысли. «Она поймёт». «Увидит — и поймёт». «Потом — поймёт». Его мысли — слово в слово — слова чужого мужчины, который ушёл из семьи ради гаража с инструментами. Двадцать семь лет назад.

— Алин...

— Я не против мечты, Миша.

Первый раз — голос дрогнул. На слове «мечты». Чуть-чуть. И сразу — выровнялся. Обратно.

— Я не против того чтобы ты искал. Менялся. Делал что-то другое. Я бы поняла. Если бы ты пришёл и сказал — «Алин, я нашёл помещение, я хочу попробовать, давай обсудим, давай вместе решим». Я бы — может — согласилась. Может — нет. Но мы бы — решали. Вместе. Как два человека.

Пауза.

— А ты решил за меня. Как будто меня — нет. Как будто мои три года — расходный материал для твоего прозрения. Как будто я — не человек. А — препятствие. Которое «поймёт потом».

Миша стоял. Смотрел на неё. На лицо — спокойное, ровное. На руки — сложенные на столе. На телефон — экраном вниз.

Хотел сказать — «прости». Хотел сказать — «ты права». Хотел сказать — «я не думал». Хотел — много. Стоял — молча.

Потому что всё, что мог сказать — слова. А слова — после четырёхсот тысяч — ничего не стоят.

— Я не знал про отца. Твоего. Не так. Не подробности.

— Я рассказывала. В первый год. Ты — слушал?

Слушал? Помнил — что-то. Обрывок. «Отец ушёл, было тяжело». Обрывок. Не вслушался. Не спросил — как тяжело. Не спросил — что чувствовала. Кивнул. «Понимаю». Не понимал.

— Не слушал, — сказал Миша.

Тихо. Честно. Первая правда за месяц.

Алина посмотрела на него. Долго. И в глазах — что-то. Не злость. Не обида. Что-то — тяжелее. Как усталость, но глубже. Как разочарование, но окончательнее.

Узнавание.

Она узнала — в нём — отца. И это — хуже всего. Хуже денег. Хуже лжи. Она три года жила с человеком — и сейчас увидела в нём того, кто ушёл в гараж и не вернулся.

Встала. Медленно.

— Я поеду к маме. Не звони пока.

— Алин...

— Не сейчас, Миша. Я не могу сейчас.

Ушла в комнату. Тихо. Не хлопнула — прикрыла.

Миша стоял на кухне. Слышал — шкаф открылся. Шуршание — одежда. Сумка — молния. Шаги. Ванная — щётка, паста, шампунь. Минута. Две. Три.

Вышла. Сумка — небольшая. На несколько дней. Так она думает. На несколько дней.

В коридоре — обулась. Куртка. Шарф. Медленно. Аккуратно. Не торопилась. Не убегала.

Уходила.

На пороге — обернулась. Посмотрела. Не на Мишу — мимо. На кухню. На холодильник. На список.

— Деньги можешь не возвращать.

Миша моргнул.

— Что?

— Деньги. Четыреста тысяч. Не возвращай.

— Алин, я верну, я...

— Не надо. Я не хочу быть причиной, по которой ты вернёшься в офис. Не хочу быть — «ради чего». Не хочу — чтобы ты потом думал: «всё бы получилось, если бы не она».

Пауза.

— Живи с этим как хочешь.

Открыла дверь. Вышла. Закрыла. Тихо. Замок — щёлкнул.

Тишина.

Миша стоял в коридоре. Ботинки Алины — нет. Куртка — нет. Шарф — нет. На вешалке — его куртка. Одна.

Прошёл на кухню. Сел на табуретку. Ту самую. Свою.

Напротив — пустая табуретка. Её.

На столе — телефон. Её. Забыла. Нет — оставила. Экраном вниз. Банковское приложение — под экраном, в темноте.

На холодильнике — список. «Квартира — первый взнос. Мебель (кухня, спальня). Ремонт (коридор, ванная).» Сердечко.

Миша смотрел на список. На сердечко. На почерк — ровный, аккуратный. Её.

Кран капает. Кап. Кап.

Холодильник гудит.

Тишина.

Хотел — что-то. Почувствовать — что-то. Злость. Обиду. Облегчение. Решимость. Что-нибудь — живое, горячее, настоящее.

Пусто.

Как раньше. Как до отца. Как до помещения. Как в первой главе — на этой же кухне, на этой же табуретке, перед этим же холодильником.

Только раньше пустота была — от безразличия. А сейчас — от того, что наделал.

Разная пустота. Одинаково — пусто.

Сидел. Долго. Час. Или больше. Кран капал. Холодильник гудел. За окном — двор, фонарь, темнота.

Не встал — чтобы позвонить. Не встал — чтобы побежать. Не встал — чтобы что-то сделать.

Просто — сидел.

Потом — посмотрел на свои руки. Лак на пальцах — засох. Мозоли — жёсткие, жёлтые. Царапина на запястье — подсохла, коркой. Руки — чужие. Не менеджера. Не человека, который пять лет делал отчёты. Руки — строителя. Ремонтника. Человека, который что-то делает.

Этими руками — скрёб пол. Красил стены. Таскал поддоны. Чинил стол. Протирал окна.

Этими же руками — нажимал «подтвердить». Раз за разом. Не дрогнув. Четыреста тысяч.

Одни руки. Одни и те же.

Встал. Подошёл к холодильнику. Снял список. Аккуратно — не порвал. Сложил вдвое. Положил на стол. Рядом с её телефоном.

Постоял.

Потом — пошёл в коридор. Надел ботинки. Куртку. Вышел.

Ночь. Холодно. Октябрь. Поздний октябрь — уже не осень. Ещё не зима. Между.

Шёл пешком. Не к метро. Не домой. Не к помещению. Просто — шёл.

Улицы пустые. Фонари. Лужи — отражают свет. Машина проехала — свет фар по асфальту, по стене, пропал.

Шёл. Долго.

Оказался — у помещения. Ноги привели. Как тогда — в первый раз. Тело знает дорогу, голова — не участвует.

Стоял перед зданием. Кирпич. Окна — тёмные. Второй этаж — его. Тёмный.

Достал ключ. Открыл дверь. Лестница. Темнота. Поднялся. Отпер.

Вошёл.

Не включил свет. Стоял в темноте.

Свет из окна — фонарь с улицы. Жёлтый, тусклый. Падает на пол — квадратом. На стены — белые, свежепокрашенные. На стойку — из поддонов, покрытую лаком. На столы — три, разные, один шатается. На стулья — восемь, вдоль стены.

Запах. Краска. Лак. Пыль — уже меньше, но есть. И — кирпич. Старый, тёплый запах кирпича.

Его.

Четыреста тысяч — в этих стенах. В этой краске. В этой проводке. В этих окнах. В этом лаке.

И — Алина. Тоже — в этих стенах. Её три года. Её макароны в детстве. Её «квартира — первый взнос». Её сердечко на списке.

Сел на пол. Спиной к стене. Кирпич — холодный.

Сидел.

Не думал — «я сделал правильно». Не думал — «я сделал неправильно». Не думал.

Сидел в темноте. В помещении, которое построил на чужие деньги. На чужой мечте.

Тихо.

Город — далеко. Гул. Электричка. Сигнал машины.

Здесь — тишина. Его тишина.

Только теперь — тишина другая. Не та, что была раньше — чистая, новая, его. А — тяжёлая. С осадком. С привкусом.

С привкусом того, что сделал.

Сидел.

Долго.

Глава 7: Покаяние

Среда. Четверг. Пятница.

Три дня — один и тот же.

Подъём. Не по будильнику — сам. Рано. Шесть. Пять тридцать. Темно за окном. Квартира — пустая. Кровать — большая, одному. Одеяло Алины — сложено. Она так складывает — аккуратно, вчетверо. Привычка. Сложила перед уходом. Или — утром, когда собирала сумку. Не развернул. Так и лежит.

Кофе. Растворимый. Банка красная — Алинина. Ложка с горкой. Кипяток.

Без вкуса. Как раньше. Как в первой главе жизни — до отца, до звонка, до всего.

Нет. Не как раньше. Раньше — просто без вкуса. Сейчас — без вкуса и с тошнотой. Мелкой, фоновой. Не от кофе — от себя.

Душ. Одежда — рабочая. Та же. Стирает через два дня — в раковине, руками. Сушит на батарее. Не хватает терпения ждать — надевает влажную. Сохнет на теле по дороге.

Метро. Десять минут. Помещение.

Работал.

Один.

С утра до вечера. Каждый день. Без выходных.

Что осталось — много. Стены покрашены, окна — чистые, проводка — новая. Но.

Пол. Бетон — чистый, но голый. Нужно — покрыть. Лак? Эпоксидка? Не знает. Загуглил. Читал ночью, в телефоне, лёжа на пустой кровати. «Как покрыть бетонный пол в коммерческом помещении». Форумы. Ответы. Всё — разное. Кто-то говорит — лак. Кто-то — краска для пола. Кто-то — просто оставь бетон, это стильно.

Купил краску для пола. Серую. Матовую. Две банки — шесть тысяч. Не с общего — с выходного пособия. Оно пришло в пятницу — зарплата за последний месяц. Сорок три тысячи. Его. Не общие. Впервые за месяц — перевод без тошноты.

Красил пол. На коленях. Валиком — широким, на длинной ручке. Но ручка — неудобная, пружинит, криво ложится. Снял. На коленях. Валиком в руке. Метр за метром.

Колени — через час — гудят. Через два — болят. Через три — не чувствуются.

Красил.

Методично. От дальней стены — к двери. Не думая. Не слушая музыку — телефон разрядился в первый день, потом не стал ставить на зарядку. Тишина. Шлёп валика. Шорох краски по бетону.

И мысли. Без музыки, без звука — мысли. Не хотел — приходили.

Лицо Алины. Спокойное. Ровное. Маска. За маской — что? Он не знает. Никогда не знал. Три года — и не знал. Не потому что она скрывала — потому что он не смотрел.

Шлёп. Шлёп.

«Я рассказывала. В первый год. Ты — слушал?»

Шлёп.

Не слушал. Кивнул. «Понимаю». Не понимал.

Шлёп.

Мастерская. Столярная. Её отец. Гараж, инструменты, «ты поймёшь потом». Открытка на Новый год. Одна. Макароны. Каждый день. Три года.

Шлёп.

Четыреста тысяч.

Шлёп.

Колени болят. Хорошо. Пусть болят.

Вечером — дома. Пустая квартира. Холодильник — полупустой. Яйца, масло, хлеб. Сосиски — кончились.

Сварил яйца. Два. Ел стоя, у плиты. С хлебом. С солью. Банка с солью — на полке. Рядом — банка с сахаром, банка с рисом. Стоят ровно. Алина выровняла. До сих пор — ровно.

Не сдвинул. Не тронул.

Список с холодильника — снял. Тогда, в ту ночь. Лежит на столе. Сложенный вдвое. Рядом — её телефон. Экраном вниз. Не трогал.

Она не приходила за ним. Не звонила. Не писала. Попросила — «не звони пока». Не звонит.

Пока — это сколько?

Четверг. Пол высох. Серый. Матовый. Ровный. Красиво.

Встал на него — чистыми ботинками. Прошёл. Не скрипит. Не пачкается. Пол.

Посмотрел — от двери. Помещение. Белые стены. Одна — кирпич, лакированный, красный. Чёрные трубы под потолком. Серый пол. Четыре окна — свет, чистый, белый. Столы — три. Стулья — вдоль стены. Стойка из поддонов — в углу. Кофемашина — на стойке, ещё не подключена.

Красиво.

Пусто.

Красиво и пусто. Как витрина. Как макет. Как мечта — которую видишь за стеклом, а войти — не можешь.

Потому что некому сюда прийти.

Потому что он — один.

Пятница. Утро. Помещение.

Миша стоял у окна. Смотрел во двор. Берёза в трещине асфальта. Потеряла листья — почти все. Голые ветки. Тонкие, кривые. Живая.

Шаги на лестнице. Тяжёлые. Медленные. Скрип двери внизу. Потом — по бетону — шарк, шарк. Ближе.

Миша обернулся.

В дверях — мужчина. Лет шестьдесят пять. Может — семьдесят. Широкий. Не толстый — широкий. Плечи — как шкаф. Руки — большие, тяжёлые, с узлами вен. Рабочие руки. Одет — просто. Свитер серый, штаны тёмные, ботинки — старые, крепкие.

Лицо — морщины, глубокие, как борозды. Глаза — спокойные. Не добрые, не злые. Спокойные. Как у человека, который видел достаточно и перестал удивляться.

Стоял в дверях. Смотрел. На помещение. На стены. На пол. На Мишу.

Миша смотрел на него.

Тишина. Секунда. Две. Пять.

Мужчина вошёл. Медленно. Прошёл к стене — к той, кирпичной. Потрогал. Ладонью. Провёл — сверху вниз. Кивнул. Чему-то. Себе.

Прошёл дальше. К окну. Посмотрел — вниз, во двор. На берёзу. Потом — на стекло. Чистое.

Повернулся к Мише.

— Сам мыл?

— Сам.

Кивнул.

Посмотрел на пол. На серую краску. Присел — медленно, колени хрустнули. Потрогал пол ладонью.

— Краска — нормальная. Но под ней — дерево. Старое. Может — дуб.

— Под бетоном?

— Бывает. Фабрика — текстильная. Полы были деревянные. Потом — залили бетоном.

В семидесятых, наверное. Или раньше.

Встал. Отряхнул колено.

— Ты — что тут делаешь?

— Ремонтирую.

— Вижу. Зачем?

Миша помолчал. Мужчина ждал. Не торопил.

— Хочу открыть место. Для людей. Где можно работать. Или — не работать. Просто — быть.

Мужчина смотрел. Лицо — не изменилось. Ни усмешки, ни одобрения.

— Я вниз. Мебельный склад. Двадцать лет.

— Знаю. Арендодатель говорил.

Кивнул.

Посмотрел ещё раз — вокруг. На стены. На потолок. На столы. На стойку из поддонов.

Подожёл к стойке. Потрогал. Постучал костяшками по дереву. Звук — глухой, крепкий.

— Поддоны?

— Да. Нашёл здесь, разобрал, собрал.

Кивнул. Снова — чему-то своему.

Пошёл к двери. На пороге — остановился. Обернулся.

— Мусор вывези. Остатки — в дальнем углу, за трубой. Под ним пол хороший. Жалко если не увидишь.

И вышел. Шаги — по бетону, вниз. Шарк. Шарк. Тише. Тише. Дверь внизу — скрипнула. Закрылась.

Тишина.

Миша стоял. Смотрел на дверь. Потом — на дальний угол. За трубой. Там — правда — остатки. Куски штукатурки, обрезки кабеля, тряпка. Не заметил. Или заметил — но не дошёл.

Подожёл. Убрал. Штукатурку — в мешок. Кабель — в мешок. Тряпку — в мешок.

Под ними — пол. Бетон — но другой. Не залитый. Плитка. Старая, квадратная, коричневая. Потёртая, но — целая. Крепкая. Одна — с трещиной. Остальные — целые.

Потрогал. Шершавая. Тёплая — на ощупь теплее бетона.

Хороший пол.

Под мусором — хороший пол.

Сел рядом. На корточки. Смотрел на плитку. На трещину в одной.

Не думал — «это метафора». Не думал — «под мусором моей жизни тоже хороший пол». Не думал так. Просто — смотрел.

Но что-то — сдвинулось. Тихо. Внутри. Маленькое. Как плитка под штукатуркой — было всегда, но не видел.

Суббота. Утро. Десять часов.

Телефон. Лёха.

— Мишка. Марина отпустила до завтра. Адрес скинь — еду помогать.

— Лёх, не надо. Я справляюсь.

— Миш. Адрес. Скинь.

Пауза.

— Лёх, ты же после смены.

— Я в душе. Через час выезжаю.
— У тебя выходной. Побудь с Маринкой.
— Миш. Я один раз скажу. Скинь адрес. Или я у Алины спрошу.
Тишина.
— Ты знаешь?
— Что — знаю?
— Про Алину.
— Что про Алину?

Пауза.

— Она ушла, Лёх.

Тишина. Длинная. Миша слышал — вода. Душ. Лёха стоит в ванной, телефон на громкой.

— Как — ушла?
— К маме.
— Поругались?
— Нет. Хуже.
— Скинь адрес. Выезжаю.

Лёха приехал в двенадцать.

Стоял в дверях. Смотрел. Как Константин Борисович — только по-другому. Тот смотрел — оценивая. Лёха — не понимая.

Помещение. Стены. Окна. Пол. Столы. Стойка.

— Ёбанный насос.

Прошёл внутрь. Трогал стены. Пнул стойку — легонько, ботинком.

— Ты это один сделал?

— Да.

— Один?

— Электрик был. И сантехник.

Лёха ходил. По помещению. Из угла в угол. Молча. Смотрел.

Потом — остановился. Посередине. Повернулся к Мише.

— Деньги — откуда?

Миша молчал.

— Миш. Деньги.

— С общего счёта. С Алининого.

— Сколько?

— Четыреста.

— Тысяч?

— Да.

Лёха смотрел на него. Лицо — менялось. Медленно. От удивления — к пониманию. От понимания — к чему-то другому. Не злость. Не жалость. Что-то между.

— Пиздец, Миш.

— Знаю.

— Нет, ты не понимаешь. Пиздец.

Тишина.

Лёха прошёл к окну. Встал. Смотрел во двор. Берёза. Крыши. Небо.

— Она из-за этого ушла.

— Да.

— Ты ей — не сказал. Молча взял.

— Да.

— Четыреста тысяч.

— Да.

Лёха молчал. Долго. Миша стоял у стойки. Ждал. Чего — не знал. Приговора. Или — удара. Или — «я пошёл, не звони».

Лёха повернулся.

— Валик где?

— Что?

— Валик. Малярный. Где?

— В углу. За стойкой.

Лёха прошёл к стойке. Достал валик. Посмотрел — сухой, в засохшей краске.

— Чистый есть?

— В пакете. Там же.

Лёха достал. Новый, в упаковке. Содрал плёнку.

— Где красить?

— Лёх...

— Где красить, я спрашиваю.

— Туалет. Не доделал. Стены — голые.

Лёха взял банку краски. Валик. Пошёл в туалет. Через минуту — звук. Шлёп. Шлёп. Шлёп.

Миша стоял.

Не понимал.

Пошёл за ним. Встал в дверях туалета. Маленькая комната — раковина новая, унитаз новый, плитка на полу — белая, простая. Стены — голые, штукатурка.

Лёха — красил. Молча. Валик — вверх, вниз. Белая краска — на серую стену.

— Лёх.

— Потом. Красим — потом.

Красили до вечера. Туалет — готов. Потом — подсобку. Маленькую комнату у входа — кладовка, метра четыре. Стены — быстро, белая краска, два слоя.

Работали молча. Лёха не разговаривал. Не шутил. Не матерился — как обычно. Молчал. Миша — рядом. Молчал тоже.

Два мужика в пустом помещении. Краска. Валики. Тишина.

К шести — закончили. Лёха вымыл руки. Долго — краска въелась. Тёр хозяйственным мылом — Миша держал на раковине, для себя.

Вышли в основное помещение. Сели на пол. У стены. Рядом.

Миша достал пиво. Две банки. Купил утром — на всякий случай. Или не на всякий. Знал — Лёха приедет. Знал — пиво понадобится.

Открыл. Отдал. Лёха взял. Глотнул.

Сидели. Пили.

Свет из окна — закатный. Оранжевый. Ложился на пол — длинными полосами. На стены. На потолок. Пыль в воздухе — золотая.

Тихо. Город — далеко. Здесь — только они.

— Лёх.

— Ну.

— Спасибо.

— Не за что.

Пауза. Пиво. Глоток.

— Ты ей позвонишь?

— Она просила не звонить.

— Марина сказала бы то же самое. И ждала бы звонка.

Миша посмотрел на него.

— Ты так думаешь?

— Не знаю. Может — нет. Может — Алина не Марина. Может — правда не хочет, чтоб звонил. Я не знаю.

Пауза.

— Но если бы я — так. С Маринкой. Четыреста тысяч, молча... Она бы меня убила. Буквально. Сквородкой. И правильно бы сделала.

Глотнул.

— Миш, ты чё вообще? Как ты мог — молча? Она же — три года. Рядом. Каждый день.

— Я знаю.

— Не знаешь. Если бы знал — не сделал бы.

Тишина.

Пиво. Пол. Закат.

— Может — «прости». Для начала. Просто позвони и скажи — «прости».

— И что дальше?

— А я откуда знаю — что дальше. Я тебе не психолог. Я слесарь. Но «прости» — это не «дальше». Это — «я вижу, что сделал».

Допил. Смял банку. Положил рядом.

— Помещение — хорошее. Серьёзно. Потолки — огонь. И стойка — нормально сделал. Кривовато, но — нормально.

Первый раз за день — улыбнулся. Не широко. Одним углом рта.

— Только ты заплатил за него — дохера. Не деньгами. То есть — деньгами тоже. Но не только.

Встал. Отряхнулся.

— Ладно. Мне ехать. Маринке обещал — к девяти.

Пошёл к двери. Миша встал. Пошёл за ним.

На лестнице — Лёха. Спиной. Широкая спина — куртка, капюшон. Шаги — тяжёлые, гулкие.

На площадке между этажами — остановился. Обернулся.

— Миш.

— Да.

— Я помогу. Приеду ещё. Но...

Пауза.

— Если ещё раз так с кем-то. Молча. За спиной. Не надо.

Не угроза. Не ультиматум. Просьба. Тихая. Серьёзная.

Миша кивнул.

Лёха кивнул. Пошёл вниз. Дверь — скрипнула. Закрылась.

Миша стоял на лестнице. Один.

Гул — снизу. Улица. Город. Жизнь.

Вернулся в помещение. Закрыл дверь.

Вечер. Темнеет. Свет из окон — последний, синеватый.

Включил лампы. Три точки — по зонам. Витька делал. Свет — тёплый, жёлтый. На стенах — тени. На стойке — блеск лака.

Стоял. Посередине. Один.

Не как раньше — когда стоял и видел «что может быть». Сейчас — видел что есть. Стены. Пол. Столы. Стулья. Стойка. Кофемашина. Туалет — свежепокрашенный, пахнет краской.

Есть. Стоит. Существует. Он — сделал.

И — Лёха. Помог. Приехал — после смены, вместо выходного. Красил. Молча. Злился — молча. Пил пиво — молча. Сказал — «приеду ещё». И — «не надо так больше».

Не одобрил. Не простил. Но — **не ушёл**.

Миша выключил свет. Закрыл помещение. Спустился. Вышел.

Ночь. Холодно. Ноябрь уже — или ещё октябрь? Не помнит. Давно не смотрел календарь.

Достал телефон. Набрал номер. Не Алины.

Два гудка.

— Мишка?

— Мам. Я завтра к папе приеду. Можно?

— Конечно. Конечно, приезжай. Он спрашивал — когда Мишка.

— Во сколько?

— К двум. Обед в час — он после обеда бодрый.

— Хорошо. К двум.

— Миш.

— Да?

— Есть-то — есть? Ты ешь?

— Ем, мам.

— Точно?

— Точно.

Пауза. Тишина.

— Мам.

— Что?

— Ничего. Просто — спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сынок. Оденься теплее. Холодно.

Отбой.

Миша стоял на улице. Телефон в руке. Экран погас. Тёмный. Своё лицо — не видно. Темно.

Пошёл к метро. Медленно. Руки в карманах. Холодно.

В правом кармане — ключ. От помещения. Металлический, тёплый от тела.

В левом — телефон. С номером Алины в избранных. С фотографией — лето, парк, мороженое.

Не позвонил.

Не потому что не хотел. Потому что «прости» — пока — не поместится в рот. Слишком большое слово для человека, который только учится говорить правду.

Пока — не поместится.

Но он его — слышит. Внутри. Как гул города за стенами помещения. Далёкий. Постоянный.

Когда-нибудь — скажет.

Пошёл домой.

Глава 8: Синяя обложка

Воскресенье. Без пятнадцати два.

Больница. Та же. Тот же коридор. Тот же линолеум — серо-зелёный, пузырится у стены. Те же лампы — гудят. Тот же запах — хлорка, сладковатое, тяжёлое.

Но — другое. Миша шёл по коридору и чувствовал — другое. В прошлый раз — бежал. Задышался. Искал маму на оранжевом стуле. Сейчас — шёл. Медленно. Знал куда. Знал — зачем.

Палата. Двенадцатая. Дверь — приоткрыта. Внутри — голоса. Мамин — тихий, быстрый. Отцовский — медленный, хриплый.

Постучал.

— Мишка!

Отец — сидел на кровати. Не лежал — сидел. Подушка за спиной. Тапочки на ногах — войлочные, мамины. Футболка — чистая, синяя. Мама принесла. На тумбочке — яблоки. Антоновка. От Алины. Ещё те, давнишние. Или — новые. Мама покупает такие же.

Лицо — другое. Не серое. Бледное — да, но не серое. Глаза — яснее. Руки — на одеяле, но уже не тонкие, не прозрачные. Или — Миша привык. Или — правда лучше.

— Пап.

— Садись. Мать — кресло ему отдай. Ты на стуле посидишь.

Мама — встала. Маленькая. Кофта серая, юбка тёмная. Волосы — собраны. Седина — когда стала столько? Раньше — меньше. Или не замечал.

— Я в буфет схожу. Чаю принесу. Миш, тебе?

— Да, мам. Спасибо.

Ушла. Шаги — маленькие, быстрые. Дверь — прикрыла. Не до конца. Щель — коридор, лампы, чьи-то голоса.

Миша сел в кресло. Больничное — серое, продавленное. Пахнет — антисептиком и чем-то домашним. Мамиными духами. Или просто — мамой.

Сидели. Молча. Отец смотрел в окно — там стена соседнего корпуса. Кирпичи. Всегда — кирпичи. Но сейчас — солнце. Косое, осеннее. Ложилось на кирпичи оранжевым. Красиво. Даже больничная стена — красиво, если солнце.

— Как ты, пап?

— Нормально. Давление — сто тридцать. Было сто восемьдесят — теперь сто тридцать. Врач говорит — молодец. Я говорю — это не я молодец, это таблетки.

Усмехнулся. Тихо.

— Мать — приходит каждый день. Каждый. Утром — к восьми. Уходит — в шесть. Медсёстры её знают уже. По имени. Она им печенье носит. Овсяное, сама печёт.

— Я знаю, пап.

— Знаешь. Но я — говорю. Потому что... Потому что я тридцать пять лет — не говорил. Такие вещи. Думал — и так понятно. А на койке лежишь — и думаешь: а вдруг не понятно. Вдруг она не знает — что без неё я бы тут не лежал. Не на койке. Вообще — не лежал бы. Нигде.

Помолчал. Посмотрел на Мишу.

— Ты — худой стал.

— Работаю много.

— Нашёл работу?

Пауза. Короткая. Можно соврать. Легко. «Да, нашёл, всё хорошо».

— Нет, пап. Не нашёл. И не ищу.

Отец смотрел. Ждал. Не торопил.

— Я снял помещение. Бывшая текстильная фабрика. Второй этаж. Ремонтирую. Хочу открыть пространство — для людей. Коворкинг. Место, где можно прийти, сесть, работать. Или не работать. Быть.

Говорил — и слышал себя. Впервые — говорил вслух, целиком. Не кусками, не обрывками, не «потом объясню». Целиком. Как есть.

— Стены покрасил. Окна помыл. Проводку заменил. Пол — покрыл. Стойку сделал — из поддонов. Столы — с Авито. Стулья.

Отец слушал. Лицо — не менялось. Ни одобрения, ни осуждения. Слушал.

— И я... Пап, я сделал плохо.

— Что — плохо?

— Деньги. Наши с Алиной. Общие. Мы три года копили — на квартиру. Восемьсот тысяч. Я взял четыреста. Молча. Не сказал ей. Тратил — и не говорил. Она нашла сама. Ушла.

Тишина. Монитор — нет, монитора уже нет. Обычная палата. Тишина — настоящая. Только — за стеной — каталка проехала. И где-то — телевизор, тихо.

Отец смотрел на него. Долго.

— Четыреста тысяч.

— Да.

— Молча.

— Да.

Отец опустил глаза. Посмотрел на свои руки. Большие. Тяжёлые. Руки инженера — чертить, считать, держать. Сейчас — лежали на одеяле.

— Мать знает?

— Не знаю. Не говорил.

— Она знает. Она всегда знает. По голосу слышит. По тому, как ешь. По тому, как в глаза не смотришь.

Пауза.

— Алина — хорошая девочка.

— Знаю, пап.

— Знаешь — сейчас. А когда деньги переводил — не знал.

Не упрёк. Констатация. Тихая, точная. Как чертёж — линия, ровная, без лишнего.

Миша молчал.

Отец — молчал.

Солнце за окном — сдвинулось. Ушло с кирпичей. Стена стала серой. Обычной.

— Деньги — вернёшь?

— Не знаю. Попробую.

— Алину — вернёшь?

— Не знаю. Наверное — нет.

— Почему — нет?

— Потому что она не захочет. Я бы — не захотел. На её месте.

Отец кивнул. Медленно. Как будто — проверял. И ответ — правильный. Не хороший — правильный.

— Помещение — хорошее?

Миша посмотрел на него. Отец — смотрел в ответ. И в глазах — что-то. Не одобрение. Не любопытство.

Узнавание. Как Алина — узнала в Мише своего отца. Так отец — узнавал в Мише себя. Только — другую версию. Ту, которая — решилась.

— Да. Потолки высокие. Окна большие. Пол под мусором — хороший оказался.

Отец чуть приподнял бровь.

— Под мусором?

— Мужик один сказал. Снизу. Мебельщик. «Вывези мусор — под ним пол хороший».

Так и вышло.

Отец посмотрел в окно. На серую стену. Долго.

— Знаешь, почему я не дооформил патент?

— Ты говорил. Откладывал.

— Не всё сказал.

Помолчал. Руки — на одеяле. Пальцы — чуть двигались. Как будто — чертили. По привычке. Тридцать пять лет — пальцы помнят.

— Не потому что ленился. Не потому что страшно было — бумаги, комиссии, бюрократия. Это — ерунда. Это — преодолевается.

Пауза.

— Побоялся, что — получится.

Миша моргнул.

— Что — получится?

— Что примут. Что скажут — да, внедряем. Что придётся менять. Всё менять. Не работу — жизнь. Я бы стал другим человеком. С другим расписанием, с другими людьми, с другим утром. Мать — привыкла. Я — привык. Мы — привыкли. Вместе.

Посмотрел на Мишу.

— И я подумал — а вдруг она не узнает меня. Нового. Вдруг — новый я — ей не подойду. Вдруг — получится, и я потеряю то, что есть.

Тишина.

— И выбрал — не менять. Тридцать пять лет — не менять. Ходить. Чертить. Возвращаться. Ужин. Телевизор. Спать. Ходить. Чертить.

Пауза.

— И вот — койка. И думаю — а она бы узнала. Мать бы — узнала. Она — сильнее, чем я думал. Всегда была сильнее.

Глаза — мокрые. Не плакал — мокрые. Блестели.

— Я её недооценил. Это — хуже, чем обмануть. Решил за неё. Думал — она не справится. А она — справилась бы. Как сейчас — справляется. Каждый день. Печенье печёт, медсёстрам носит, мне — тапочки. Справляется.

Миша сидел. Слушал. И слышал — двойное. Голос отца — и свой. Алину — и мать. «Решил за неё». Как отец — решил за мать. Как Миша — решил за Алину. Разные решения — одна и та же ошибка. Не спросил. Не поверил. Не дал — выбрать.

— Пап.

— Подожди. Не перебивай. Мне — тяжело это. Я тридцать пять лет — молчал. Дай — договорю.

Миша замолчал.

— Ты — сделал по-другому. Решился. Криво. С чужими деньгами. С враньём. Паршиво — сделал. Но — сделал. А я — чисто не сделал. Никого не обидел. Никому не соврал. Никого не предал. И — ничего не сделал. Ничего.

Пауза.

— Не знаю, что хуже.

Посмотрел на Мишу. Прямо. Глаза — ясные. Мокрые, но ясные.

— С Алиной — ты неправ. Это — твоё. Носи. Не оправдывай. Не объясняй. Носи.

Кивнул — сам себе.

— Но помещение — не бросай.

— Пап...

— Не бросай. Раз начал — не бросай. Не потому что я прошу. Потому что если бросишь — получится, что всё это было зря. И деньги — зря. И Алина — зря. И ты — вернёшься в офис, и через двадцать лет — будешь лежать на такой же койке, и думать — а если бы.

Пауза.

— Не хочу — чтобы ты так.

Миша смотрел на отца. На лицо. На морщины — глубокие, как у Константина Борисовича. На глаза — отцовские, его, знакомые с рождения. На руки — инженерные, чертёжные, которые никогда не сделали того, для чего были созданы.

— Дойди, Мишка.

Тихо. Хрипло.

— Раз начал — дойди.

Дверь открылась. Мама — с подносом. Три стакана, чай, сахар в бумажных пакетиках.

— Ну вот. Горячий. Миш, тебе с сахаром?

— Без.

— Положу один. На всякий случай.

Положила. Размешала. Ложечка — тонкая, алюминиевая, больничная. Звякнула о стекло.

Пили чай. Втроём. Мама — на стуле. Миша — в кресле. Отец — на кровати.

Мама рассказывала. Про соседку — Тамара Петровна, с третьего этажа, кот убежал, три дня искали, нашли на чердаке. Про магазин — гречка подорожала, безобразие. Про погоду — обещают снег на неделе, рано в этом году.

Мама говорила — а Миша слушал. По-настоящему. Впервые — слушал. Не слова — а то, что за словами. Тамара Петровна, кот, гречка, снег — это всё неважно. Важно — голос. Ровный, спокойный, бесконечный. Голос, который говорит — «я здесь. Всё нормально. Я держу. Я всегда держу».

Мама допила чай. Собрала стаканы. Вымыла в раковине палатной. Вытерла.

— Миш, поешь у нас? Я борщ варила.

— Да, мам. Спасибо.

— Папе — отдыхать. Нам — ехать. Целую, Коль.

Наклонилась. Поцеловала отца в лоб. Привычно. Как делала — каждый день. Тридцать пять лет.

Отец поймал её руку. Задержал. Секунду.

— Галь.

— Что?

— Спасибо тебе. За печенье.

Мама посмотрела на него. Моргнула. Быстро.

— Какое печенье? Овсяное? Ну а что, медсёстры любят. Я завтра ещё испеку. С изюмом.

Убрала руку. Пошла к двери. Быстро. Маленькими шагами.

Миша видел — она утёрла глаза. Рукавом. Быстро. Думала — не заметил.

Заметил.

Родительский дом. Однушка — Бирюлёво, панельная девятиэтажка, шестой этаж. Окна — во двор, тополя, качели. Знакомое всё. Каждый угол, каждый запах.

Мама на кухне. Борщ. Миша — за столом. Тарелка — глубокая, с синими цветами по краю. Из детства. Эта тарелка — была всегда. Всю жизнь.

Борщ — горячий, густой. Сметана — ложка, белая, тает.

Ел. Медленно. Чувствовал — вкус. Свёкла, капуста, картошка, мясо. Лавровый лист. Укроп. Мамин борщ. Тот же — что в детстве. Тот же — что всегда.

Мама — напротив. Не ела — смотрела. Как ест.

— Добавки?

— Да.

Налила. Полную. Молча.

Миша ел. Мама сидела. За окном — тополя. Голые. Ноябрь.

— Мам.

— Что?

— Я ничего. Просто — вкусно.

Она кивнула. Встала. Стала мыть посуду. Спиной к нему. Плечи — узкие, кофта серая.

Миша смотрел на маму. На спину. На руки — в воде, в пене. Моет. Как мыла — тысячу раз. Десять тысяч раз. После каждого обеда, ужина, завтрака. Тридцать пять лет.

Стоицизм без книг. Без Сенеки. Без философии. Просто — встать утром. Сварить борщ. Испечь печенье. Поехать в больницу. Вернуться. Помыть посуду. Лечь. Встать. Повторить.

Каждый день. Что бы ни случилось. Даже если муж — на койке. Даже если сын — непонятно где. Даже если — страшно, тяжело, одиноко.

Встать. Сварить борщ.

Потому что сын должен поесть.

Допил чай. Встал.

— Мам, я в папин кабинет зайду. На минутку.

— Зайди, зайди.

Кабинет — маленькая комната, метров шесть. Стол — письменный, тяжёлый, советский. Лампа — зелёная, настольная. Полки — книги, папки, чертежи в тубусах. Пахнет — бумагой, пылью. Тихо.

Левый ящик. Открыл. Бумаги — стопки, аккуратные. Квитанции, письма, какие-то справки. Под ними.

Журнал.

Синяя обложка. Потёртая. Углы — замятые. «Вестник машиностроения. 1989. 4».

Миша достал. Тяжёлый — для журнала. Или это рука — не привыкла. Привыкла к валику, к шпателю, к банке краски. А журнал — лёгкий. Но тяжёлый.

Открыл. Страницы — пожелтевшие. Ломкие по краям. Запах — старая бумага. Типографская краска. Время.

Листал. Статьи — «Новые методы обработки...», «К вопросу о модернизации...», «Опыт внедрения...».

Страница сорок семь.

«К.Н. Тихонов. Проект модернизации вентиляционных систем промышленных помещений. К вопросу об энергоэффективности».

Тихонов. Отец. Константин Николаевич.

Фотография — маленькая, чёрно-белая, в верхнем углу. Молодой. Двадцать пять. Широкое лицо, причёска — зачёсано набок. Улыбается. Не широко — сдержанно. Но — улыбается. Глаза — ясные. Живые.

Счастливый. Человек, который написал статью. Который — знал, что это важно. Который — верил, что это — начало.

Под фотографией — текст. Формулы. Чертежи — аккуратные, рукой, тушью. Графики. Таблицы.

Миша не понимал формул. Не инженер. Но видел — работу. Год работы. Каждая линия — вычислена. Каждая цифра — проверена. Каждый чертёж — точный.

Год считал. Год — верил. И потом — тридцать пять лет — не дооформил.

Закрыв журнал.

Под журналом — книга.
Маленькая. Карманный формат. Обложка — бежевая, простая. Буквы — тиснение, золотое, стёртое.
«Сенека. Нравственные письма к Луцилию».
Старое издание. Советское — «Наука», серия «Литературные памятники». Год — не видно, стёрся.
Открыл. На форзаце — подпись. Синяя ручка. «К. Тихонов, 1989».
Тот же год. Что и журнал.
Отец купил — или нашёл, или подарили — в тот же год, когда написал статью. Когда верил. Когда было — начало.
Листал. Страницы — тонкие, пожелтевшие. Некоторые — загнуты. Углы. Отметки — отец отмечал места.
Одна страница — загнута сильнее других. Почти переломлена. Значит — возвращался. Не раз.
Миша открыл.
Подчёркнуто. Карандашом. Линия — ровная, как по линейке. Инженерная.
«Не потому трудны дела, что мы не решаемся; мы не решаемся потому, что дела трудны.»
Миша читал. Перечитывал. Ещё раз.
Отец подчеркнул это — в восемьдесят девятом. Тридцать пять лет назад. Прочитал. Подчеркнул. Загнул страницу. Вернулся. Прочитал снова.
И всё равно — не решился.
Или — решился не решаться. Что — то же самое.
Листал дальше. Другие загнутые страницы. Другие подчёркивания.
«Пока мы откладываем жизнь, она проходит.»
Карандаш. Ровная линия.
«Не велика мудрость — не выйти за пределы гавани. Мудрость — вернуться в гавань, побывав в буре.»
Подчёркнуто двумя линиями.
Миша закрыл книгу. Держал. Двумя руками. Маленькая, лёгкая. Бежевая обложка. Золотые буквы — стёртые.
Журнал. Синяя обложка. Книга. Бежевая обложка.
Два предмета. Два артефакта. Статья — которая должна была стать патентом. Книга — которая должна была дать смелость.
Не стала. Не дала.
Но — сохранил. Тридцать пять лет — в левом ящике, под бумагами. Не выбросил. Значит — помнил. Значит — каждый раз, открывая ящик за квитанцией или справкой — видел. Синюю обложку. Бежевую. И — проходил мимо. И — закрывал ящик.
Тридцать пять лет.

Мама — в коридоре. Надевала тапочки. Домашние. Похожие на папины — войлочные, мягкие.
— Мам. Я возьму кое-что. Из кабинета. Папино.
— Бери, бери. Что там?
— Журнал. И книга.
— А, книжки... Бери. Он всё равно сейчас не читает. Глаза устают.
Миша стоял в коридоре. Журнал и книга — в руках. Прижал к себе. Как — не знал. Как что-то хрупкое. Как — живое.
— Мам.

— Что?

— Ты знала? Про патент?

Мама остановилась. Рука — на тапочке. Замерла.

— Знала.

— Почему он не дооформил?

— Побоялся.

Просто. Одно слово. Как будто — говорила это себе. Много раз. Тридцать пять лет — говорила.

— Ты хотела, чтобы он дооформил?

Мама подняла голову. Посмотрела на Мишу. Глаза — мамины. Тёмные. Глубокие.

— Я хотела, чтобы он — был счастлив.

Пауза.

— А он — не спросил.

Встала. Поправила тапочки. Пошла на кухню.

— Чай будешь ещё? Или — поедешь?

Тот же голос. Ровный, бытовой. Чай, тапочки, борщ. Как будто не сказала — главного. Как будто — между «побоялся» и «чай будешь» — нет пропасти.

Но Миша слышал. И понимал — мама сказала ему не про отца.

Про него.

«А он — не спросил.»

Как Миша — не спросил Алину.

Ехал в помещение. Метро. Журнал и книга — в рюкзаке. Тяжёлые. Лёгкие. Другие.

Вышел. Улица. Промзона. Здание. Ключ. Дверь. Лестница. Дверь.

Вошёл.

Помещение — тёмное. Вечер. Включил свет. Три точки — тёплый, жёлтый.

Подошёл к окну. Дальнему. Тому, которое протёр первым — тогда, давно, ладонью. Подоконник — широкий, бетонный, покрашенный серым. Пустой.

Положил журнал. Синяя обложка — на сером бетоне. Рядом — книгу. Бежевая обложка. Золотые буквы.

Стояли рядом. Два предмета. На подоконнике. В помещении, которое он построил — на чужие деньги, своими руками, через враньё и стыд.

Отошёл. Посмотрел.

Правильно. Не красиво — правильно. Как будто — они тут должны быть. Как будто ждали — этого подоконника, этого света, этого места.

Сел на пол. У стены. Напротив окна.

Достал книгу. Открыл на загнутой странице. Той — самой. С двойным подчёркиванием.

«Не велика мудрость — не выйти за пределы гавани. Мудрость — вернуться в гавань, побывав в буре.»

Читал. Перечитывал.

Не выйти — не мудрость. Выйти и вернуться — мудрость.

Отец — не вышел. Миша — вышел. Но — не вернулся. Пока — не вернулся. Пока — в буре.

Листал. Читал. Не всё — кусками. Фразы. Отмеченные — отцом. Тридцать пять лет назад.

«Счастлив не тот, кого другие считают счастливым, а тот, кто сам это знает.»

«Мы страдаем чаще в воображении, чем в действительности.»

«Если ты хочешь, чтобы тебе всё было подвластно, — подчини себя разуму.»

Карандашные линии. Ровные. Инженерные.

Миша читал и видел — отца. Молодого. Двадцатипятилетнего. С этой книгой — на диване, или за столом, или в метро. Читающего. Подчёркивающего. Верящего — что это поможет. Что эти слова — дадут силу. Что завтра — он пойдёт и дооформит.

Завтра. Потом. Потом.

Закрыл книгу. Положил рядом. На пол.

Сидел.

Помещение. Тишина. Свет — тёплый. На подоконнике — синяя обложка и бежевая.

Он загнул эту страницу. Прочитал. Подчеркнул. Вернулся. Прочитал снова. И — не решился.

Пауза.

Я решился. Но — сломал по дороге.

Пауза.

Может — чинить тоже часть пути.

Не утешение. Не оправдание. Просто — мысль. Тихая. Маленькая. Как плитка под мусором — была всегда, но не видел.

Встал. Положил книгу на подоконник. Рядом с журналом.

Выключил свет. Закрыл.

Вышел на улицу. Ночь. Холодно. Звёзды — нет, облака. Ноябрь.

Пошёл к метро.

В кармане — ключ. Тёплый.

В голове — одно слово. Отцовское. Хриплое. Тихое.

«Дойди.»

Глава 9: Открытие

Три недели.

Двадцать один день — от подоконника с синей обложкой до этого утра. Двадцать один день — руки, спина, колени. Без выходных. Без перерывов. Без — зачем. Просто — делал.

Стулья — расставил. Восемь — вдоль столов. Три стола — в ряд, у стены с кирпичом. Четвёртый — отдельно, у окна. Тот самый — с помойки, советский, тяжёлый. Починенная ножка — держит. Проверял — садился на край, раскачивал. Держит.

Кофемашина — подключил. Витка-электрик — по телефону, бесплатно. «Жёлтый — на фазу, синий — на ноль, зелёный — на землю. Не перепутай. Перепутаешь — ёбнет». Не перепутал. Включил — загудела. Лампочки — зелёные. Живая.

Купил кофе. Зерновой. Не дешёвый — средний. В магазине долго стоял, читал пачки. Арабика. Бразилия. Средняя обжарка. Тысяча двести за килограмм. Взял два.

Молоко. Сахар. Стаканы — бумажные, белые, без рисунка. Сто штук — восемьсот рублей.

С выходного пособия. Последние.

На стойке — меловая доска. Купил на Авито — маленькая, настольная, деревянная рамка. Двести рублей. Мел — белый. Написал:

«Кофе. Место. Тишина.»

Стёр. Постоял. Написал:

«ТОЧКА»

Стёр. Постоял. Долго.

Написал снова:

«ТОЧКА»

Оставил.

Барная стойка — из поддонов, покрытая лаком. За ней — кофемашина, стаканы, сахар, ложки. Полка — одна, деревянная, прикрутил сам. На ней — банка с кофе, банка с сахаром, пачка салфеток. Просто. Бедно. Но — чисто.

Диван. Нашёл на прошлой неделе. Авито — мужик переезжал, отдавал за три тысячи. Кожанный, коричневый, потёртый. Продавленный слева — значит, мужик сидел всегда слева. Миша приехал на такси, с Лёхой. Лёха помог затащить — по лестнице, третий этаж, матерился на каждом пролёте.

— Миш, этот диван — тяжелее моей тещи. А теща — сто десять кило. Я знаю, я её возил в больницу.

Поставили. У окна. Рядом — журнальный столик. Тоже — Авито. Тысяча рублей. Ножки — разной длины. Подложил картонку под короткую. Стоит.

На столике — книга. Бежевая обложка. Сенека. Рядом — ничего. Просто — книга. Кто хочет — возьмёт.

На подоконнике — журнал. Синяя обложка. Стоит — прислонённый к стеклу. Не для людей — для Миши. Напоминание. О чём — не формулирует. Просто — стоит.

Чилл-зона — диван, столик, книга. Рабочая зона — три стола вдоль кирпичной стены, один у окна. Бар — стойка, кофемашина, доска. Туалет — чистый, белый, свежепокрашенный. На стене туалета — ничего. Пока.

Удлинитель — четыре. Тройники — шесть. Розетки — двенадцать. Витька сделал с запасом. Wi-Fi — роутер, мощный, купил на Авито за две тысячи. Настроил сам — гуглил два часа, ругался, настроил. Пароль — «tochka2024». Написал на доске, под названием. Мелом.

Растения — нет. Денег нет. Потом.

Музыка — нет. Колонок нет. Потом.

Гирлянды — нет. Потом.

Много — потом. Но — есть. Стены, пол, столы, стулья, кофе, Wi-Fi. Есть.

Пятница. Утро. Ноябрь.

Миша проснулся в пять. Не по будильнику. Сам. Темно. Холодно — батарея в квартире еле тёплая. Октябрьские счета — не оплатил. Или оплатил — не помнит.

Встал. Душ. Кофе — дома, растворимый, из Алининой банки. Красная. Почти пустая. Не купил новую. Не потому что забыл — не смог. Стояла — её. Покупать новую — значит, признать, что она не вернётся.

Глупость. Знает, что глупость. Но — не покупает.

Оделся. Чистая рубашка — единственная, которую не заляпал краской. Синяя. Джинсы — чистые. Ботинки — протёр тряпкой.

Посмотрел в зеркало. Лицо — худое. Скулы — видно. Круги под глазами — глубже, чем были. Щетина — не брился четыре дня.

Побрислся. Порезался — подбородок, мелкий порез. Кровь — капля. Заклеил кусочком бумаги. Как отец — в детстве. Отец брился бритвой — не станком. Порезы заклеивал бумагой. Всегда.

Миша посмотрел на себя. Бумажка на подбородке. Чистая рубашка. Худое лицо. Открытие.

Приехал в восемь. Рано — на час. Открыл. Вошёл. Включил свет.

Помещение.

Стоял в дверях. Смотрел.

Белые стены. Кирпичная стена — красная, тёплая. Чёрные трубы под потолком. Серый пол. Окна — чистые, свет — утренний, бледный, ноябрьский. Столы. Стулья. Стойка. Диван.

Тихо. Пусто. Чисто.

Его.

Нет — не его. Четыреста тысяч — чужих. И аренда — сто шестьдесят. И через месяц — ещё сто шестьдесят. А денег — нет. Выходное пособие — ноль. На общем счёте — он перестал смотреть. Боялся.

Не его. Но — он его сделал. Руками. Валиком. Шпателем. На коленях. Каждый день — два месяца.

Прошёл к стойке. Включил кофемашину. Загудела. Замигала. Зашипела. Запах — кофе, свежий, зерновой. Первый запах в этом пространстве — не краска, не пыль, не лак. Кофе.

Сделал себе. Эспрессо. Маленькая чашка — не бумажная, керамическая. Одна. Свою — принёс из дома. Ту самую — офисную. Кружка, зарядка, блокнот. Кружка — теперь здесь.

Поднёс к губам. Горячий. Пар.

Глотнул.

Горько. Кисловато — чуть. Плотный. Густой.

Вкус.

Миша стоял за стойкой. Кружка в руках. Кофе — с вкусом. Впервые — за... Не помнит. Давно. С первой главы этой жизни — давно.

Не думал — «вот, символ, мой путь, я изменился». Не думал. Просто — пил кофе. И чувствовал. Горечь. Теплоту. Вкус.

Хорошо.

Допил. Поставил кружку. Вымыл. Вытер.

Девять часов. Открытие.

Подошёл к двери. Тяжёлой, деревянной — он покрасил её. Тёмно-серый. Сам выбрал цвет. Два слоя. Ручка — новая, металлическая.

Открыл. Оставил открытой. Так — что видно с лестницы. Кто зайдёт — увидит: свет, пространство, стойка.

На стене у двери — снаружи — листок. А4, распечатал в копицентре. Простой. Чёрные буквы на белом:

ТОЧКАКоворкинг. Кофе. Wi-Fi. Рабочее место — 300 /день. Пн-Вс, 9:00-21:00.

Приклеил скотчем. Криво — чуть. Поправил. Всё равно криво. Оставил.

Вернулся за стойку. Встал.

Ждал.

Девять тридцать.

Тишина. Шаги на лестнице — чьи-то, прошли мимо, на третий этаж. Или — показалось.

Десять.

Тишина. Кофемашина — на паузе, не гудит. Свет из окон — ярче, солнце пробилось. Ложится на пол — квадратами. На стены. На кирпич.

Красиво. Пусто. Красиво и пусто.

Десять тридцать.

Никого.

Миша стоял за стойкой. Руки — на дереве. Поддоны — гладкие, лакированные. Смотрел на дверь. Открытую. За ней — лестница, стена с граффити, бетон.

Никого.

А если — никто не придёт? Сегодня. Завтра. Послезавтра. Если — пусто. Если — зря. Стены, пол, краска, стойка, столы — зря. Четыреста тысяч — зря. Алина — зря. Всё — зря.

Стоял.

Не думай. Стой. Жди.

Сделал себе ещё кофе. Пил медленно. С вкусом. Вкус — есть. Вот — вкус. Вот — кофе. Вот — стойка, которую сделал. Вот — окно, которое помыл. Вот — стена, которую покрасил. Это — есть. Остальное — посмотрим.

Одиннадцать.

Шаги на лестнице.

Миша поставил кружку. Посмотрел на дверь.

Шаги — лёгкие, быстрые. Молодые. Ближе. По бетону — шлёп, шлёп. Кроссовки.

В дверях — парень. Молодой. Двадцать пять — может, меньше. Худой, невысокий. Куртка — чёрная, лёгкая. Рюкзак — на одном плече. И — гитара. За спиной. В чехле — мягком, тканевом, потёртом.

Стоял в дверях. Смотрел. Как все — кто входил сюда впервые — смотрел. На стены. На потолок. На окна. На стойку.

— Это коворкинг?

Голос — спокойный. Обычный.

— Да.

— А... можно?

— Можно. Заходи.

Зашёл. Медленно. Осматривался. Потрогал стену — кирпичную. Как Константин Борисович — ладонью. Как все — трогают.

Подошёл к стойке. Прочитал доску. «ТОЧКА». Пароль Wi-Fi. Меню — нет меню. Только — «Кофе — 150 ».

— Сколько — за день?

— Триста.

— А кофе — входит?

— Входит.

— Годится.

Достал телефон. Открыл приложение банка. Миша достал свой — показал QR-код. Распечатал вчера. Наклеил на стойку. Криво — как объявление у двери.

Перевод. Триста рублей.

Триста рублей. Первые. Заработанные. Этим местом. Эти стенами. Этим кофе.

Миша посмотрел на экран. «Входящий перевод: 300 ». Смотрел — секунду. Две.

— Садись где хочешь. Wi-Fi — на доске. Кофе — скажи, сделаю.

— Давай сразу. Капучино, если есть.

— Есть.

Сделал. Руки — привычные, кнопки, рычаг, молоко. Учился — по ютубу. Три вечера. Пенка — неровная, пузыри. Не бариста. Но — кофе. Горячий. С молоком.

Поставил на стойку. Парень взял. Кивнул.

— Спасибо. Меня Игорь, кстати.

— Миша.

— Это твоё место?

— Да.

— Давно открылся?

Пауза.

— Сегодня.

Игорь посмотрел на него. Моргнул.

— Серьёзно? Я — первый?

— Первый.

Игорь осмотрелся. Столы — пустые. Стулья — пустые. Диван — пустой. Он — один. И Миша.

— Ну... Круто. Мне нравится. Потолки — огонь.

Взял стакан. Пошёл к столу — тому, у окна. Советскому. Тяжёлому. С починенной ножкой. Сел. Достал ноутбук. Старый — наклейки на крышке, стикеры, какие-то рисунки. Открыл. Подключился к Wi-Fi.

Гитару — поставил рядом. К стене. В чехле. Прислонил.

Работал.

Миша стоял за стойкой. Смотрел.

Один человек. В его месте. За его столом. Пьёт его кофе. Работает.

Ноутбук светится. Игорь — сосредоточен. Иногда — пьёт кофе. Иногда — смотрит в окно. Берёза — голая, тонкая. Крыши. Небо.

Один человек.

Мало. Один — мало. Нужно двадцать. Тридцать. Каждый день. Чтобы — аренда. Чтобы — кофе. Чтобы — свет, вода, интернет. Один — это ничего. Один — это триста рублей. А аренда — сто шестьдесят тысяч.

Мало.

Стоял. Смотрел.

Нет. Не мало. Вчера — ноль. Сегодня — один. Это — не мало. Это — начало.

Час дня.

Дверь. Шаги. Девушка. Лет тридцать. Пальто серое, сумка большая, ноутбук торчит. Волосы — рыжие, короткие.

Остановилась в дверях. Осмотрелась.

— Здравствуйте. Это — работает?

— Работает. Заходите.

— Сколько стоит?

— Триста рублей. Кофе — входит.

— О. А чай есть?

Чай. Миша не купил чай. Не подумал.

— Сейчас будет.

Вышел. Вниз по лестнице. «Пятёрочка» — через дорогу. Чай — чёрный, зелёный, пакетики. Двести рублей. Побежал обратно. По лестнице — вверх, тяжело дыша.

Девушка стояла у стойки. Ждала. Не ушла.

— Вот. Чёрный или зелёный?

— Зелёный. Спасибо.

Заварил. В бумажном стакане — кипяток из кофемашины, пакетик. Не идеально. Но — чай.

Девушка заплатила. Триста рублей. Села — за стол у кирпичной стены. Достала ноутбук. Работала.

Два человека. Шестьсот рублей. И — чай, которого не было утром, а сейчас — есть.

Три часа. Дверь. Мужчина. Лет пятьдесят. Пальто тёмное, портфель. Седина.

Вошёл. Осмотрелся. Медленно. Подошёл к стойке.

— Кофе.

— Эспрессо, американо, капучино?

— Просто — кофе. Чёрный.

— Эспрессо.

— Пусть — эспрессо.

Сделал. Мужчина взял. Не сел — стоял у стойки. Пил. Молча. Смотрел на кирпичную стену.

— Хорошее место. Тихо.

— Спасибо.

— Сколько — день?

— Триста.

— Нет, я — так. Просто кофе. Сколько — кофе?

— Сто пятьдесят.

Заплатил. Допил. Стоял ещё минуту. Смотрел. Потом — кивнул. И ушёл.

Сто пятьдесят рублей. Один кофе. Но — пришёл. И — «хорошее место». Сказал — и ушёл.

Пять часов. Девушка — собралась, кивнула, ушла. «Спасибо, приду ещё». Может — придёт. Может — нет.

Игорь — сидел. Работал. Потом — закрыл ноутбук. Достал гитару. Из чехла — акустическая, небольшая, светлое дерево, потёртая у розетки.

Сел на подоконник. Рядом с синей обложкой. Не заметил — или заметил, но не спросил.

Играл. Тихо. Перебор — мягкий, медленный. Не песня — что-то. Мелодия. Без слов. Просто — звук. Гитара в пустом помещении с высокими потолками — звучала. По-другому.

Не как в комнате — шире. Полнее. Звук уходил вверх, к трубам, к потолку, и возвращался — мягче. Как эхо. Но — тёплое.

Миша стоял за стойкой. Слушал.

Свет из окна — закатный, оранжевый. Ложился на пол. На стены. На Игоря — на гитару, на руки, на лицо.

Играл. Минуту. Две. Пять.

Потом — остановился. Посмотрел на Мишу.

— Акустика — обалденная. Потолки.

— Да.

— Тут можно концерты делать. Маленькие. Человек на тридцать. Акустические.

— Можно.

Игорь кивнул. Убрал гитару в чехол. Собрал рюкзак. Подошёл к стойке.

— Миш, я завтра приду. Можно?

— Конечно.

— И ребятам скажу. У меня друзья — фрилансеры. Им — такое место. В самый раз.

— Скажи.

Игорь кивнул. Пошёл к двери. На пороге — обернулся.

— Хорошее место. Серьёзно. Чувствуется — душа.

Ушёл. Шаги — по лестнице, вниз. Лёгкие. Быстрые. Дверь внизу — скрипнула.

Тишина.

Миша стоял. Один.

Помещение — пустое. Столы — пустые. Стулья — пустые. Диван — пустой.

Но — не как раньше. Не как утром. Утром — пустое значило «никого». Сейчас — пустое значило «были, ушли, придут».

Другая пустота. С — остатком. С — впечатком. Стакан Игоря — на столе, недопитый капучино. Стакан девушки — в мусорке, аккуратно. Запах кофе — везде. И — гитара. Звук — ушёл, но как будто — остался. В стенах. В потолке. В кирпиче.

Миша прошёл по помещению. Медленно. Собрал стакан Игоря. Выбросил. Протёр стол — тряпкой, которая всегда за стойкой. Поправил стулья.

Подошёл к подоконнику. Синяя обложка. Бежевая. Рядом — след от чехла гитары. Вмятина на краске — еле заметная.

Выключил кофемашину. Щёлкнула. Затихла.

Вышел на лестницу. Достал телефон. Набрал.

Два гудка.

— Мишка?

— Лёх. Открылся. Сегодня.

— Ну? И чё?

— Три человека. Один — весь день просидел. С гитарой. Играл.

Тишина. Лёха — на том конце — дышал. Тяжело. После смены, наверное. Или — перед. У него — своё. Своя жизнь, своя усталость, своя Марина. Свои — сто десять кило тёщи.

— Три — это мало, Миш.

— Три — это три. Вчера было ноль.

Пауза.

— Ладно. Поздравляю, что ли.

— Спасибо, Лёх.

— Давай. Не сдохни там. Ешь нормально.

— Ем.

— Врёшь.

— Вру.

— Ну вот. Марина завтра борщ сварит. Заеду — привезу.

— Не надо, Лёх. У тебя —

— Заеду, я сказал. Всё. Отбой.

Отбой.

Миша стоял на лестнице. Телефон в руке. Экран погас.

Убрал. Закрыв дверь помещения. Ключ — в карман. Спустился. Вышел.

Улица. Вечер. Ноябрь. Холодно. Фонари — жёлтые. Двор — асфальт, лужи, берёза. Голая. Тонкая. Из трещины в асфальте.

Живая.

Миша стоял. Смотрел на здание. На окна второго этажа — тёмные. Его. Утром — включит свет. Утром — откроет дверь. Утром — придёт кто-то. Или — не придёт. Но он — откроет.

Пошёл к метро. Медленно.

Не триумф. Не праздник. Три человека и кривые стены и объявление на скотче и кофе с пузырями в пенке.

Шёл.

Но — моё. Впервые — моё.

Шёл.

И четыреста тысяч чужих денег в стенах. И пустая квартира. И Алина — у мамы. И отец — на койке. И Лёха — который завтра привезёт борщ вместо того чтобы побыть с Маринкой.

Шёл.

И — три человека. Которые пришли. И — один из них — сказал: «Чувствуется — душа». И — другой — играл на гитаре. И звук был — правильный. В этих стенах — правильный.

Метро. Вниз. Эскалатор. Вагон — третий, правая сторона. Сидячее место — есть. Сел.

Напротив — мужчина. Лет пятьдесят. Спит. Голова покачивается. Портфель на коленях.

Руки — крупные, усталые.

Миша посмотрел на него. Как тогда — в первый день. В первой главе. Тот же вагон. Тот же — или другой — мужчина.

Тогда подумал — «через двадцать лет — это я».

Сейчас — не подумал. Просто — посмотрел. И отвёл глаза.

За окном — темнота тоннеля. Своё отражение. Худое лицо. Чистая рубашка. Бумажка на подбородке — отклеилась. Порез — засох.

Не призрак. Человек. Уставший, худой, виноватый. С кривыми стенами и триста рублями в кармане.

Но — не призрак.

Дома. Пустая квартира. Коридор. Ботинки — одна пара. Его.

Кухня. Холодильник гудит. На полке — банка с сахаром, банка с солью, банка с рисом.

Стоят ровно.

Списка на дверце — нет. Снял. Тогда. Лежит на столе. Сложенный.

Рядом — её телефон. До сих пор.

Миша сел. На табуретку. Свою. Напротив — пустая. Её.

Тишина.

Достал свой телефон. Открыл контакты. Алина. Фотография — лето, парк, мороженое. Улыбается. Смотрит в камеру — прямо.

Смотрел.

Палец — над кнопкой «позвонить».

Не нажал.

Не потому что не хотел. Хотел. Но — «прости» — пока — не целое. Пока — в нём не хватает. Не слов — не хватает того, что за словами. Не хватает — права. Права сказать «прости» — и чтобы это значило: я понял. Не «мне плохо без тебя» — это эгоизм. А — «я понял, что сделал тебе больно. И это — моё. Моя вина. Не твоя».

Пока — не готов. Почти. Но — не готов.

Убрал телефон.

Встал. Пошёл в комнату. Лёг. Одеяло Алины — сложенное, вчетверо. Не развернул.

Закрыл глаза.

Потолок. Трещина. Не видит — знает.

Но думал — не о трещине. Думал — о звуке гитары в пустом помещении. О том, как звук уходил к потолку — и возвращался. Тёплый. Правильный.

О том, как парень с гитарой сказал — «чувствуется душа».

О трёх стаканах. Двух бумажных и одном — керамическом. Его.

О трёхстах рублях.

О борще, который завтра привезёт Лёха.

О маме, которая печёт печенье.

Об отце, который сказал — «дойди».

О Сенеке на подоконнике.

О берёзе — в трещине асфальта. Голой. Тонкой. Живой.

Заснул.

АКТ 2: Прожиг.

Глава 10: Первые

Декабрь.

Первая неделя — три человека. Игорь — каждый день. Девушка с зелёным чаем — два раза. Больше — никого.

Вторая неделя — пять. Игорь привёл друга — Сашу, дизайнер, рисует логотипы на планшете. Саша привёл подругу — Олю, копирайтер, стучит по клавишам быстро, громко, как дятел. Оля рассказала коллеге. Коллега — не пришёл. Но — написал в инстаграме: «Кто-нибудь был в Точке»? Нормально там?» Три лайка. Один ответ — Игорь: «Норм. Кофе — огонь».

Третья неделя — семь. Восемь. В среду — девять. Рекорд.

Миша считал. Каждый вечер — блокнот, ручка, столбик цифр. Люди. Деньги. Расходы. Аренда — сто шестьдесят. Кофе, молоко, стаканы, салфетки — двадцать. Интернет — две. Свет, вода — четыре. Итого — сто восемьдесят шесть в месяц. Минимум.

Доход за первый месяц — сорок одна тысяча триста рублей.

Минус — сто сорок пять тысяч.

Миша смотрел на цифру. Минус сто сорок пять. Красным — в блокноте. Красная ручка — специально купил. Чтобы минус — был красным. Чтобы видеть.

Закрыв блокнот.

Открыл.

Минус сто сорок пять.

Закрыв.

Жил в лофте. Не официально — просто перестал ездить домой.

Сначала — задерживался. До одиннадцати. До двенадцати. Метро закрывалось — такси дорого — оставался. Спал на диване. Том самом — кожаном, продавленном слева. Теперь — продавленном и справа.

Потом — перестал притворяться. Привёз сумку. Из квартиры. Одежда — три футболки, двое штанов, трусы, носки. Зубная щётка. Бритва. Полотенце. Зарядка.

Спальник — купил в спортивном. Две тысячи четыреста. Синий, с капюшоном. До минус пяти. В лофте — плюс пятнадцать. Батареи — старые, чугунные, еле тёплые. Купил обогреватель — масляный, на Авито, за тысячу. Поставил рядом с диваном.

Ночью — тихо. Город за окном — далёкий, приглушённый. Гул. Иногда — электричка. Иногда — сирена скорой. Обогреватель — щёлкает, остывая. Диван — пахнет старой кожей и чужой жизнью.

Утром — будильник. Шесть тридцать. Встать. Спальник — свернуть, убрать в подсобку. Подушку — туда же. На диван — плед. Чтобы к девяти — никаких следов. Чтобы — коворкинг, а не ночлежка.

Душ — нет. В лофте — раковина. Умывался. Холодная вода — по лицу, по шее, по рукам. Декабрь — холодная значит ледяная. Просыпался — мгновенно.

Кофе. Первый — себе. Из кофемашины. Эспрессо. Горячий. С вкусом. Каждое утро — с вкусом.

Открывал дверь. Ставил табличку. Включал свет. Ждал.

Игорь приходил к десяти. Почти каждый день. Рюкзак, гитара, ноутбук. Садился за стол — свой, у окна, советский. Миша уже не называл его «стол у окна». Называл — «Игорев стол». Игорь тоже — садился только туда. Привычка. Территория.

Работал — что-то на ноутбуке. Миша не спрашивал. Игорь не рассказывал. Иногда — надевал наушники, закрывал глаза, шевелил губами. Писал музыку, наверное. Или — слушал.

К обеду — открывал гитару. Играл тихо. Не для публики — для себя. Перебор. Мелодия. Останавливался. Менял аккорд. Снова. Искал — что-то. Какой-то звук, который в голове есть, а в пальцах — ещё нет.

Миша слушал. Из-за стойки. Не подходил. Не говорил «круто». Просто — слушал.

Однажды Игорь поднял голову.

— Миш, можно я тут вечером репетицию сделаю? С ребятами. Трое нас. Гитара, бас, кахон. Тихо. Часа два.

— Можно.

— Бесплатно? У нас — денег вообще нет.

— Бесплатно.

Игорь кивнул. Вернулся к ноутбуку.

Вечером — пришли. Трое. Игорь, басист — длинный, молчаливый парень в очках, и девушка с кахоном — маленькая, быстрая, с дредами. Играли. Два часа. Тихо — как обещали. Но звук — заполнил помещение. Бас — гудел в стенах. Кахон — стучал в полу. Гитара — пела под потолком.

Миша сидел на диване. Слушал. Пил кофе. Молча.

После — убрались. Сами. Без просьб. Поставили стулья на место. Девушка с дредами вымыла стакан.

— Спасибо, Миш. Реально — спасибо. Нам негде репетировать. Везде — дорого или шумно.

— Приходите когда хотите.

Пришли. Через два дня. И ещё через два. И ещё.

Лёха приехал в субботу. Вторую. С контейнером — борщ от Марины. Литра три. И хлеб — чёрный, нарезанный.

— Маринка сказала — если не привезу, она сама приедет. А если она приедет — тебе конец. Она тебя откормит до неприличия.

Сели на диван. Борщ — в кружках. Ложки — алюминиевые, из «Фикс Прайса». Хлеб — руками.

Борщ горячий. Густой. Мясо, картошка, свёкла. Как мамин. Почти. Другой — но так же.

— Лёх.

— Ну.

— Передай Маринке — спасибо. Серьёзно.

— Передам. Она ещё котлеты хотела, но я сказал — борща хватит. Ты ж тут не ресторан открываешь.

Пауза. Ели.

— Миш, ты тут живёшь, что ли?

— С чего ты взял?

Лёха посмотрел на него. Потом — на подсобку. Дверь приоткрыта. Виден спальник — синий, свёрнутый, но не аккуратно. Подушка. Полотенце на крючке.

— Миш.

— Ну живу. И что? Экономлю на дороге.

— Экономишь. Ты — на диване. В декабре. В помещении без душа.

— Тут тепло. Обогреватель.

Лёха поставил кружку.

— Мишка. Ты — ёбнутый. Но ты знаешь это. Так что — ладно. Живи. Но если заболеешь — Маринка тебя убьёт. А потом — вылечит. А потом — снова убьёт.

Допил. Встал. Прошёлся по лофту. Посмотрел — оценивающе. Как в первый раз — но по-другому. Тогда — «ёбанный насос». Сейчас — молча.

— Стулья — шатаются. Вот этот — и вот этот. Дай отвёртку.

— Лёх, не надо. Ты после смены.

— Отвёртку.

Починил. Два стула. Подтянул ножки стола — Олиного, второго от стены. Проверил розетку у входа — шаталась, прикрутил.

Работал молча. Двадцать минут. Мелочи — но нужные.

На выходе — обернулся.

— Миш. Нормально. Серьёзно. Мне — нравится. Тут — хорошо.

— Спасибо, Лёх.

— Давай. Через неделю приеду. Маринка — блины обещала. С мясом.

Ушёл. Шаги — по лестнице, тяжёлые. Дверь внизу — скрипнула.

Миша стоял у двери. Контейнер из-под борща — пустой. Чистый. Марина — дала бы два, если бы знала что он живёт на диване. Дала бы два и ещё компот. И ещё — шапку тёплую. И ещё — позвонила бы маме.

Может — Лёха расскажет.

Может — лучше не надо.

Четвёртая неделя. Девять-десять человек в день. Стабильно. Не рост — стабильность. Одни и те же лица. Игорь. Саша-дизайнер. Оля-копирайтер. Девушка с зелёным чаем — оказалось, зовут Настя, переводчик, переводит инструкции к бытовой технике с китайского. Мужик лет сорока — Виктор, программист, удалёнка, не разговаривает, приходит к девяти, уходит в шесть, как на работу. Студентка — Лиза, пишет диплом, сидит в углу, пьёт чай литрами.

Знал их по именам. Знал — кто что пьёт. Настя — зелёный чай, без сахара. Виктор — американо, большой, чёрный. Лиза — латте, но с соевым молоком — пришлось купить соевое.

Знал — кто где сидит. Виктор — всегда второй стол, у розетки. Лиза — диван, с ногами. Саша — рядом с Игорем, у окна.

Маленькое. Хрупкое. Но — своё.

Декабрь. Последняя неделя. Двадцать восьмое.

Миша стоял за стойкой. Утро. Кофемашина гудела. За окном — снег. Первый — настоящий. Не мокрый, не грязный — белый. Ложился на двор, на асфальт, на берёзу. Ветки — тонкие, в снегу. Красиво.

Народу — семь. Для предновогоднего дня — нормально. Игорь — на месте. Настя — на месте. Лиза — на диване, как всегда.

Дверь.

Шаги — тяжёлые, медленные. Знакомые.

Константин Борисович.

В дверях. Свитер серый. Штаны тёмные. Ботинки — старые. Руки — большие, в карманах.

Стоял. Смотрел. На помещение. На стены — белые, чистые. На кирпич — красный. На столы. На людей — за столами. На кофемашину. На стойку.

Миша — за стойкой — смотрел на него.

Константин Борисович прошёл внутрь. Медленно. К стене — кирпичной. Потрогал. Ладонью. Как тогда — в первый раз. Провёл сверху вниз.

Кивнул.

Прошёл к стойке.

— Кофе.

— Какой?

— Чёрный.

Сделал. Эспresso. Поставил на стойку.

Константин Борисович взял. Попробовал. Кивнул.

— Мусор вывез.

— Вывез.

— Пол — увидел?

— Увидел. Плитка. Старая. Хорошая.

— Заводская. Тысяча девятьсот тридцать восьмой год. Или около того. Делали — навсегда.

Допил. Одним глотком. Поставил чашку.

Посмотрел на Мишу. Глаза — спокойные. Не добрые, не злые.

— Ничего, — сказал.

И вышел.

Миша стоял. Кружка на стойке — пустая, горячая.

«Ничего.»

Из уст Константина Борисовича — это был комплимент. Максимальный. Выше — не бывает.

Вечер. Тридцать первое декабря. Все ушли. Завтра — Новый год.

Лофт — пустой. Тихий. Свет — тёплый. За окном — снег. Фонари — жёлтые.

Миша сидел на диване. Один. Спальник — рядом, свёрнутый. Обогреватель — щёлкает.

Кофемашина — выключена. Тишина.

На столе — блокнот. Итоги месяца. Декабрь. Первый полный месяц.

Люди: 247 посещений. Средняя — 8 в день. Доход: 67 400 . Расход: 186 000 . Минус: 118 600 .

Минус. Красным.

Но — меньше. В ноябре — минус сто сорок пять. В декабре — сто восемнадцать. Разница — двадцать семь тысяч.

Двадцать семь тысяч — в правильную сторону.

Если так пойдёт — через полгода... Нет. Не считай. Не загадывай. Сегодня — минус сто восемнадцать. Завтра — посмотрим.

Закрыв блокнот.

Телефон. Набрал.

— Мам. С наступающим.

— Мишенька! С наступающим! Ты — к нам? Папа ждёт. Оливье — три таза. Куда нам столько — не знаю, но сделала.

— Приеду, мам. К десяти.

— Приезжай, приезжай. Мандарины купи — забыла. И — шампанское. Папе — нельзя, но пусть стоит. Для красоты.

— Хорошо, мам.

— Миш.

— Да?

— Алина — не звонила?

Пауза. Короткая.

— Нет, мам.

— Ну... Ничего. Приезжай.

Отбой.

Сидел. Телефон в руке.

Открыл контакты. Алина. Фотография — лето, парк, мороженое.
Новый год. Она — у мамы. Наверное. Или — у подруги. Или — одна. Не знает.
Набрал сообщение. Долго. Стирал. Набирал. Стирал.
«С наступающим, Алин. Надеюсь у тебя всё хорошо.»
Смотрел. Перечитывал. Мало. Пусто. Ничего не значит.
Добавил: «Прости меня.»
Смотрел. Два слова. Маленькие. Недостаточные. Но — настоящие.
Отправил.
Ответ пришёл через час. Миша уже ехал к родителям. Метро — пустое, предновогоднее.
Достал телефон.
«С наступающим.»
Два слова. Без «и тебя». Без «спасибо». Без «я тоже».
Два слова. Точка.
Но — ответила. Не заблокировала. Не проигнорировала. Ответила.
Миша убрал телефон. Вышел на станции. Мандарины — в ларьке у метро. Шампанское — в «Пятёрочке». Пешком — через двор, тополя в снегу, качели — пустые, белые.
Поднялся. Шестой этаж. Позвонил.
Дверь открыла мама. Маленькая. Фартук — в муке. Запах — оливье, мандарины, ёлка.
Ёлка — маленькая, на тумбочке, с советскими игрушками. Стекланные — те самые, из детства.
— Мишенька!
Обняла. Уткнулась лицом в грудь. Маленькая. Тёплая.
Из комнаты — голос отца.
— Мишка, шампанское взял?
— Взял, пап.
— Мне — нельзя. Но бокал — поставь. Чокнуться — можно. Пить — нельзя. Чокнуться — врач не запрещал.
Мама засмеялась. Тихо. Повела на кухню.
Оливье. Три тазика. Холодец. Селёдка под шубой. Мандарины — горкой. Тарелки — те самые, с синими цветами. Из детства.
Отец — в кресле. Тапочки войлочные. Телевизор — «Голубой огонёк», тихо. Слабый, бледный. Но — улыбается. Живой.
Мама — между кухней и комнатой. Туда-сюда. Тарелки, вилки, бокалы.
— Мам, сядь. Я сам.
— Ты не знаешь где бокалы.
— В серванте, справа, за салатницей.
Мама остановилась. Посмотрела на него. Удивлённо. Он — знает. Помнит. Бокалы — справа, за салатницей. Тридцать лет — на одном месте.
— Сядь, мам.
Села.
Миша накрыл. Бокалы. Тарелки. Шампанское — открыл, не пролил. Налил маме. Себе.
Отцу — поставил пустой. Рядом — компот. Мамин, из сухофруктов.
— Чокнуться — можно, — сказал отец. Поднял пустой бокал.
Двенадцать. Куранты. Звон.
Чокнулись. Втроём. Два полных. Один пустой.
Мама заплакала. Тихо. Секунду. Вытерла — рукавом. Быстро. Думала — не заметили.
Заметили.
Ели. Оливье. Холодец. Шуба. Мандарины. Молча — потому что вкусно. Потому что — вместе. Потому что отец — живой, в кресле, в тапочках. И мама — рядом. И ёлка — с советскими игрушками. И «Голубой огонёк» — тихо.

И Мишу — за столом — накрыло. Не мыслью — чувством. Тяжёлым, горячим, мокрым.
Вот это. Вот — зачем. Не лофт. Не триста рублей. Не кирпичные стены и чёрные трубы.
А — вот это. Тарелки с синими цветами. Оливье. Мандарины. Мама и папа.

И — пустой стул. Рядом. Где могла бы сидеть Алина. Где — в прошлом году — сидела Алина. И смеялась. И мама звала её «Алиночка». И отец — «дочка».

Пустой стул.

Миша ел. И чувствовал — вкус. Всего. Оливье. Мандарин. Шампанского. И — пустого стула. У пустого стула тоже есть вкус. Горький.

Два часа ночи. Мама легла. Отец — в кресле, задремал.

Миша — на кухне. Мыл посуду. Тарелки с синими цветами. Аккуратно — они старые, хрупкие.

Мыл и думал.

Год. Новый. Что в нём — не знает. Лофт — стоит. Минус сто восемнадцать — в месяц. Денег — почти нет. Работы — нет. Алины — нет. Есть — диван, спальник, обогреватель, десять человек которые приходят.

И — мандарины на столе. И мама в соседней комнате. И отец — живой, в тапочках.

И — Игорь, который завтра придёт к десяти. И сядет за свой стол. И будет играть.

И — Лёха, который привезёт блины.

И — Константин Борисович, который сказал «ничего».

Домыл. Вытер. Поставил. На полку — ровно, как мама ставит. Аккуратно.

Выключил свет. Лёг — на диван в комнате. Не на спальнике — на маминых простынях, под маминым одеялом, с маминой подушкой. Пахнет — домом.

Закрыл глаза.

Минус сто восемнадцать. Пустой стул. Красная банка кофе — пустая. Два слова от Алины — «С наступающим.» Точка.

И — кофе с вкусом. Каждое утро.

И — завтра. Новый год. Первый день.

Посмотрим.

Глава 11: Даша

Январь. Вторая неделя. Праздники кончились — город медленно просыпался. Серый, помятый, с похмелья.

Лофт — тоже просыпался. Медленно. Второго января — никого. Третьего — Виктор. Пришёл ровно в девять. Как всегда. Как на работу. Праздники — не праздники. Сел. Открыл ноутбук. Кивнул Мише.

— Американо.

— С Новым годом, Виктор.

— И тебя. Американо.

Четвёртого — Игорь. Пятого — Настя. Шестого — все. Как будто и не было каникул. Пришли — сели — работают.

К середине января — двенадцать в день. Новый рекорд. Миша написал в блокноте — красной ручкой, но цифру обвёл синей. Двенадцать. Хорошо.

Появились новые. Парень — Женя, монтажёр, монтирует видео, в наушниках, большие, закрытые, не слышит ничего. Девушка — Маша, иллюстратор, рисует на планшете котов. Много котов. Разных. Миша спросил — «почему коты?» Маша посмотрела серьёзно: «Потому что коты — единственные существа, которые не притворяются». Миша не нашёл что ответить.

Деньги — всё ещё минус. Но минус — меньше. Блокнот. Красная ручка. Минус девяносто одна тысяча. Было сто восемнадцать. Стало девяносто одна. Направление — правильное.

Четверг. Январь. Четыре часа дня.

Миша за стойкой. Протирал кофемашину — привычка, каждый день, влажной тряпкой, хромированные части. Блестит. Нравится — когда блестит.

Дверь — открыта. Как всегда. Шаги на лестнице — быстрые, лёгкие. Не Игорь — у Игоря шаг ровный, мерный. Не Виктор — Виктор тяжёлый, каждая ступенька. Эти — другие. Быстрые. Перескакивающие.

Щёлк.

Миша поднял голову.

Девушка. В дверях. Камера у лица — плёночная, старая, серебристая. Объектив — на него. Палец — на кнопке.

Щёлк.

Опустила камеру. Улыбнулась. Широко. Не вежливо — широко, по-настоящему, зубами. — Извини. У тебя было лицо. Не могла не снять.

Невысокая. Худая. Тёмные волосы — короткие, неровные, как будто стригла сама. Может — сама и стригла. Куртка — кожаная, чёрная, потёртая на локтях. Под курткой — свитер, большой, не её размер. Джинсы. Кеды — белые, грязные. На пальцах — кольца. Серебро. Много. На каждом пальце, кроме большого. Или — на большом тоже. Миша не рассмотрел.

— Что за лицо?

— Хорошее. Усталое, но честное. Таких мало.

Вошла. Не спросила — можно ли. Просто — вошла. Как к себе. Медленно — но без сомнения. Осматривалась. Трогала стену — кирпичную. Как все. Провела пальцем.

— Ух ты. Настоящий. Не отделка — настоящий кирпич.

— Двадцатые годы. Или тридцатые.

— Видно. Видно что настоящий. Фактура — сумасшедшая.

Достала камеру. Щёлк. Стена. Щёлк. Окно. Щёлк. Свет на полу — квадрат, с тенью оконной рамы. Щёлк. Стойка — дерево, лак, мел на доске.

Снимала — быстро. Не позируя, не выстраивая. Просто — видела и снимала. Как будто мир состоит из кадров, и она — ловит. Каждый.

Подошла к подоконнику. Увидела книгу. Бежевая обложка. Взяла. Повертела.

— Сенека?

— Да.

— Серьёзно читаешь или для интерьера?

— Серьёзно.

Посмотрела на него. Оценивающе. Не как Андрей — не «сколько стоит». Как — «кто ты». Другая оценка.

— Я Даша.

— Миша.

— Это твоё место?

— Моё.

— Давно?

— Два месяца.

— А до этого — что было?

— Помойка.

Засмеялась. Громко. Не прикрывая рот. Смех — резкий, короткий, как вспышка.

— Помойка — это честно. Мне нравится. Можно тут посидеть? Мне нужен Wi-Fi и место где не орут.

— Триста рублей.

— Годится. Кофе входит?

— Входит.

— Капучино?

— Пенка будет кривая.

— Мне нравятся кривые вещи.

Села за стол. Не Игорев — другой, третий от стены. Достала ноутбук — старый макбук, в наклейках. Плёночный фотоаппарат — положила рядом. Бережно. Как живое.

Работала. Обработывала фотографии — Миша видел экран издали. Лица. Много лиц. Незнакомые люди — на улицах, в метро, в кафе. Портреты. Чёрно-белые. Настоящие — без фильтров, без ретуши. Морщины, поры, усталость. Красивые — не потому что идеальные, а потому что живые.

Иногда — поднимала голову. Смотрела вокруг. На Игоря — за столом у окна. На Настю — с зелёным чаем. На Виктора — в наушниках. Смотрела — как фотограф смотрит. Кадрами. Рамками. Видит — не человека, а свет на его скуле. Тень под глазом. Линию плеча.

Миша ловил себя на том, что смотрит. На неё. На то, как она смотрит. На пальцы — с кольцами — на клавиатуре. На шею — тонкую, с родинкой. Родинка — слева.

Как у Алины.

Нет. Не как у Алины. У Алины — справа. Или — слева. Не помнит. Три года — и не помнит.

Отвёл глаза. Протёр стойку. Чистую. Протёр ещё раз.

К вечеру — народ ушёл. Виктор — в шесть, как всегда. Игорь — в семь, помахал рукой. Настя — в пять, рано, зевая, «не выспалась, пока, Миш».

Даша — осталась. Восемь вечера. Девять. Работала. Или — не работала. Сидела. Смотрела в экран. Потом — закрыла ноутбук. Откинулась на стуле.

— Миш.

— Да.

- Тут можно курить?
- Нет. Но можно на лестницу.
- Пойдём.

Вышли на лестничную площадку. Бетон. Стены — граффити, синие буквы. Лампочка — тусклая, мигает. Холодно — январь, из щелей тянет.

Даша достала сигарету. Тонкую, без фильтра. Зажигалка — металлическая, Zipro, потёртая. Щёлкнула. Огонь. Затянулась.

- Ты не куришь?
- Бросил. Давно.

— Молодец. Я — не могу. Пыталась — три раза. Три дня максимум. На четвёртый — покупаю пачку и ненавижу себя.

- Выдохнула дым. Вверх. В тусклый свет.
- Слушай, а чем ты раньше занимался? До этого?
- Менеджер. Логистическая компания.
- Ого. Серьёзно?
- Серьёзно.
- И — бросил?
- Уволили. Но я — не особо сопротивлялся.
- Почему?

Миша помолчал. Стоял — спиной к стене. Бетон — холодный, через куртку.

— Потому что умирал. Не физически. По-другому. Каждый день — один и тот же. Отчёты, совещания, компот из сухофруктов. И однажды понял — если не уйду, стану призраком. Буду ходить, есть, работать — но меня не будет.

Даша смотрела на него. Сигарета — между пальцами, дым вьётся.

- Знакомо.
- Что — знакомо?

— Призрак. Я — тоже. Была. В Питере. Работала в студии — коммерческая фотография. Каталоги, товары, белый фон. Каждый день — сумки, туфли, сумки, туфли. И однажды — сняла человека. На улице. Бабку на остановке. Не знаю зачем — просто увидела и сняла. И — проявила. И увидела. Лицо. Настоящее. Живое. И поняла — вот. Вот — я. Не сумки. Не туфли. Лица.

- И бросила студию?
- В тот же день. Пришла, собрала вещи, сказала — всё, пока. Начальник — в шоке. Говорит — «ты с ума сошла, у тебя ипотека». Я говорю — «ну значит сошла».

— А ипотека?

— Продала квартиру. Однушка на окраине. Отдала банку. Осталось — немного. Переехала в Москву. Снимаю комнату. Снимаю людей. Живу.

Затянулась. Последняя. Затушила — о стену, аккуратно. Окурочек — в карман. Не бросила на пол.

- Ты — похож, — сказала.
- На кого?

— На меня. Только — медленнее. Я — сразу. Ты — долго. Но пришёл — туда же.

Посмотрела на него. Глаза — тёмные, быстрые. В тусклом свете — блестят. Не красиво — живо. Энергия. Как ток — почти видно.

Миша стоял. Смотрел на неё. И чувствовал — что-то. Не мысль — ток. Физический. В груди, в руках, в горле. Давно не чувствовал. С Алиной — последний год — не чувствовал. До этого — не помнит.

Нет. Помнит. На третьем свидании — Алина засмеялась, запрокинув голову, и он увидел — шею, родинку. И — ток. Тот же. Точно такой же.

— Пойдём внутрь, — сказала Даша. — Холодно. Сделаешь мне ещё кофе? С кривой пенкой?

— Сделаю.

Пришла на следующий день. И на следующий. И на следующий.

К концу недели — Миша знал. Даша пьёт капучино — два в день, утром и после четырёх. Курит — три сигареты. На лестнице. Иногда — зовёт его. Иногда — одна. Работает — с наушниками, но музыку не включает. Просто — наушники. Чтобы не трогали.

Фотографирует — всех. Игоря — за столом, с гитарой, в свете из окна. Настю — с зелёным чаем, профиль, ресницы длинные. Виктора — руки на клавиатуре, крупным планом. Мишу — за стойкой, со спины, силуэт на фоне окна.

Не спрашивала разрешения. Снимала — и всё. Щёлк. Как будто мир — её. Или — она мира. Без границ.

Говорила — много. Быстро. Перескакивала.

— ...а потом я была в Тбилиси, там есть район — Сололаки, старые дома, балконы, виноград, и бабки сидят на балконах и смотрят вниз, как кинокамеры, всё видят, я одну сфотографировала, она мне — кулаком, я думала всё, убьёт, а она — засмеялась, золотой зуб, и говорит — «покажи», я показала, она говорит — «красивая я, да?» — и я говорю — «очень», а она — «знаю», и мы обе ржали, прямо на балконе, и мне сосед снизу кричит — «тише, ребёнок спит», а бабка ему — «пусть просыпается, жизнь — короткая»...

Миша слушал. Не всё — запоминал. Не все слова — ловил. Но — слушал. Голос — быстрый, хрипловатый, с придыханием на согласных. Руки — двигались, когда говорила. Кольца — блестели.

И — тишина. Иногда. Посреди рассказа — замолкала. На полуслове. Смотрела — куда-то. Не в окно — дальше. За окно. За стены. Куда — не знал.

В эти секунды — видел другую Дашу. Не ту что смеётся и фотографирует и говорит без остановки. Другую. Тихую. С глазами — как колодец. Глубоко. Темно. Непонятно — что на дне.

Секунда — и обратно. Смех. Энергия. «...а в Казани, блин, мне один мужик сказал...»

Третья неделя января.

Вечер. Все ушли. Даша — осталась. Как всегда. Последняя.

Сидели на диване. Кофе — остывший, в кружках. Свет — приглушённый, только стойка и лампа у дивана. Остальное — полутьма. Окна — тёмные, фонарь, снег.

— Миш.

— Да.

— Можно — личное?

— Можно.

— У тебя кто-то есть?

Пауза.

— Была. Алина. Три года.

— Была?

— Ушла. Осенью.

— Почему?

Миша молчал. Долго. Даша — ждала. Не торопила. Впервые — не торопила. Сидела тихо. Кружка в руках. Кольца на пальцах.

— Потому что я украл у неё четыреста тысяч и вложил вот в это.

Тишина.

Даша смотрела на него. Лицо — серьёзное. Без улыбки. Без «ого». Без «ничего себе». Просто — смотрела.

— Она знала? Что ты вкладываешь?

— Нет. Я не сказал. Тратил — молча. Она нашла сама.

— И ушла.

— И ушла.

Даша молчала. Пила кофе. Остывший, но пила.

— Ты — мудака, — сказала.

Спокойно. Без злости.

— Знаю.

— Но — честный мудака. Это — редкость.

Посмотрела на него. Глаза — тёмные. Близко. Сидели рядом — на диване, на продавленной коже. Близко. Локти — почти касаются.

— Мне нравятся честные мудаки. С нечестными — скучно.

Миша посмотрел на неё. На лицо — близкое, в полутьме. Губы — тонкие, без помады. Скулы — острые. Родинка на шее — слева. Точно — слева. Теперь — видел.

Ток. В груди. В руках. В горле.

Не поцеловал. Хотел — не поцеловал. Потому что — рано. Потому что — ещё Алина. Не в жизни — в стенах. В банке кофе. В списке на столе.

Или — потому что испугался. Что поцелует — и не сможет остановиться.

— Мне пора, — сказала Даша. Встала. Кружку — на стойку. Куртку — на плечи.

На пороге — обернулась. Достала камеру.

Щёлк.

— Что ты сняла?

— Тебя. На диване. После правды. Это — лучшее лицо. Когда человек говорит правду — лицо меняется. Становится... открытым. Как дверь.

Улыбнулась. Ушла.

Миша сидел на диване. Один. Вмятина рядом — её. Тёплая ещё.

Февраль. Первая неделя.

Даша приходила каждый день. Работала. Фотографировала. Рассказывала — про Тбилиси, про Казань, про бабу на балконе, про мужика в метро который читал Маркеса вверх ногами, про кота в Питере который жил на крыше пять лет и все думали что он бездомный а он просто не хотел спускаться.

Миша — слушал. И говорил. Больше чем обычно. Больше чем — с кем-либо. Рассказывал — про отца. Про патент. Про синюю обложку. Про мать, которая печёт печенье. Про Лёху — который привозит борщ. Про Константина Борисовича — который сказал «ничего».

Не рассказывал — про Алину. Не подробно. Уже сказал — главное. Четыреста тысяч. Ушла. Остальное — его. Носить.

Даша — не расспрашивала. Поняла — граница. Не лезла.

Но — однажды, на лестнице, с сигаретой, сказала:

— Я никогда ни с кем — долго. Тебе — знать.

— Почему?

— Не умею. Пыталась. В Питере — парень, два года. Хороший. Любил. Я — любила. Наверное. Не знаю. Уехала. Он — звонил. Я — не брала трубку. Не потому что не хотела. Потому что — если возьму, останусь. А я — не могу. Не — «не хочу». Не могу.

Затянулась.

— Что-то внутри — говорит: иди. Всегда — иди. Не останавливайся. Остановишься — умрёшь.

— Не умрёшь.

— Знаю что не умру. Но — чувствую что умру. Это — разница. Голова знает, а тело — бежит.

Посмотрела на него.

— Я тебя предупредила. Чтобы потом — не было «она не говорила».

Миша смотрел на неё. На сигарету. На дым. На лицо — серьёзное, тихое. Та Даша — другая. Колодец.

— Ок, — сказал.

Что ещё — скажешь?

Февраль. Вторая неделя. Вторник. Поздний вечер.

Лофт — пустой. Все ушли. Даша — осталась.

Миша мыл кружки. За стойкой. Вода — горячая, мыло. Привычка — каждый вечер.

Даша — на диване. Ноутбук — закрыт. Камера — рядом. Не работала — просто сидела. Смотрела на него. Через помещение — от дивана до стойки — метров десять. Свет — тёплый, приглушённый.

— Миш.

— Да.

— Иди сюда.

Поставил кружку. Вытер руки. О джинсы — привычка. Прошёл. Через помещение. Десять метров. Столы, стулья, пол — серый, матовый. Его шаги — гулкие, в пустом пространстве.

Подожёл. Встал. Она — на диване, смотрит снизу вверх.

Потянула за руку. Вниз. Сел. Рядом.

Посмотрела. Близко. Глаза — тёмные. Дыхание — тёплое. Пахнет — кофе и сигаретами. И чем-то ещё — её. Не духи — кожа.

Поцеловала.

Губы — тонкие, сухие, тёплые. Быстро — потом медленно. Рука — на его шее. Кольца — холодные, металл на коже. Вздохнул. Не от холода.

Целовались. Долго. На диване, в полутьме, в пустом лофте.

Потом — она отстранилась. На сантиметр. Лоб — к его лбу. Глаза — закрыты.

— Ты пахнешь кофе, — сказала.

— Я всегда пахну кофе.

— Мне нравится.

Открыла глаза. Посмотрела. Серьёзно. Без улыбки.

— Только — не влюбляйся. Ладно?

Миша смотрел на неё. Родинка на шее. Слева. Кольца на пальцах. Глаза — колодец.

— Ладно, — сказал.

Соврал.

Февраль. Третья неделя.

Были вместе. Каждый вечер. После всех — когда лофт пустел, когда гасли лампы, когда город за окнами становился тёмным и тихим.

На диване. На полу — на спальнике, расстеленном, среди столов и стульев. У стены — кирпичной, холодной. Её спина — к кирпичу. Его руки — на её бёдрах.

Не нежно. Жадно. Голодно. Как люди, которые давно не ели — набрасываются. Не разбирая. Руки, губы, кожа, пот. Звуки — в пустом помещении — громкие. Дыхание, стук, шёпот. И — потолок, четыре метра, трубы чёрные, и всё это — вверх, к потолку, как гитара Игоря, только другое.

Потом — лежали. На спальнике. Она — на его руке. Маленькая. Худая. Тёплая. Рёбра — под пальцами. Дышит.

— Миш.

— М.

— Ты — хороший.

— Не надо.

— Нет, серьёзно. Ты — хороший. Станный, кривой, виноватый — но хороший. Это чувствуется. Как пол в этом месте — под мусором, но хороший.

Тишина. Обогреватель — щёлкает.

— Даш.

— М.

— Остайся.

Пауза. Длинная. Он слышал — как она перестала дышать. На секунду. Потом — снова.

— Я не об этом. Не сегодня. Вообще. Остайся.

Тишина.

— Миш. Я же сказала.

— Знаю. Просто — сказал.

— Не надо просто говорить такие вещи.

— Почему?

— Потому что я могу поверить. А потом — всё равно уйду. И будет хуже.

Лежали. Молча. Обогреватель щёлкал. Город гудел — далеко, за стенами.

Она заснула. На его руке. Рука затекла. Не убрал. Лежал. Смотрел в потолок. Трубы. Чёрные. На белом.

Думал. Не словами — обрывками. Лицо Алины. Ровное. Спокойное. «Деньги можешь не возвращать.» Тихо. Дверь — щёлкнула.

И Даша. Здесь. На его руке. Тёплая. Живая. Которая завтра — может уйти. Или послезавтра. Или через месяц. Но — уйдёт. Сказала. Предупредила.

Две женщины. Одну — не слушал, когда надо было. Вторую — услышал, и всё равно.

Одна — осталась бы. Если бы спросил. Если бы не украл. Если бы — увидел.

Вторая — уйдёт. Даже если попросишь. Даже если — увидишь.

Что делать — с этим? Что делать — когда одна из них спит на твоей руке, а другая — в стенах?

Не ответил. Заснул.

Утром — она ушла. Рано. До того как он проснулся. На стойке — стакан, кофе, она сама сварила. Рядом — записка. Клочок бумаги, карандаш.

«Спасибо за ночь. Кривая пенка — лучшая в мире. Д.»

И — фотография. Распечатанная. Чёрно-белая. Он — на диване. После правды. Лицо — открытое. Как дверь.

Миша стоял за стойкой. Фотография в руке. Смотрел на себя. На лицо — своё, чужое, незнакомое.

Пил кофе. Который она сварила. Кривая пенка. Лучшая в мире.

С вкусом.

Другим.

Глава 12: Система

Февраль. Последняя неделя.

Игорь подошёл к стойке. Утро. Капучино. Как всегда.

— Миш, я тут подумал. Может — концерт сделаем?

— В смысле?

— Ну, нормальный. Не репетицию — концерт. Мы с ребятами готовы. Программа — час. Акустика. Можно вечером, в пятницу. Позову людей. Человек двадцать-тридцать наберу.

Миша посмотрел на него. Игорь — спокойный, серьёзный. Гитара — за спиной. Как всегда.

— Давай, — сказал Миша.

— Круто. Что нужно — от тебя?

— В смысле?

— Ну... звук, стулья, свет. Бар — можно пиво? Люди — захотят пиво.

Миша стоял за стойкой. Звук. Стулья. Свет. Пиво. Четыре вещи. Каждая — деньги. Колонки — нет. Микрофон — нет. Стулья — восемь, а нужно тридцать. Свет — три лампы, тёплые, но не концертные. Пиво — нет лицензии, нет холодильника, нет стаканов.

— Сделаем, — сказал Миша.

Не знал — как. Но — сказал.

Неделя до концерта. Понедельник.

Миша — в режиме. Список в блокноте. Красная ручка. Синяя — для вычёркивания.

Колонки — Авито. Нашёл. Пара, б/у, JBL, рабочие. Пять тысяч. Микрофон — Авито. Два с половиной. Стойка для микрофона — тысяча. Провода — «Леруа», метраж, разъёмы. Ещё тысяча.

Стулья — негде взять. Нет денег на двадцать стульев. Позвонил Лёхе.

— Лёх, у тебя на складе — стулья есть?

— Какие стулья?

— Любые. Двадцать штук. На вечер. Потом верну.

— Миш, это склад, не мебельный. Хотя... Подожди. У Серёги — в гараже. Он после свадьбы дочка — штук тридцать пластиковых. Белые. Стоят без дела.

— Можно?

— Спрошу. Ему — пиво поставишь.

— Поставлю.

Стулья — решено.

Пиво. Позвонил в маленькую пивоварню — через дорогу, район промзоны. «Хмельной угол». Варят крафт. Маленькая — три сорта, бочки в подвале. Хозяин — Руслан, бородатый, тихий.

— Руслан, у меня концерт. В пятницу. Человек тридцать. Можно — пиво на вечер? Плачу — потом. По факту.

— Какое?

— Три сорта. Двадцать литров.

— Приезжай в четверг. Дам попробовать. Если — понравится — договоримся.

Пиво — решено.

Свет. Нет денег на прожекторы. Думал. Долго.

Гирлянды. Лампочки Эдисона. Тёплые, жёлтые. Видел — на Авито. Две нитки — по десять метров. Тысяча двести. Купил. Развесил — под потолком, от стены до стены. Включил

— и помещение стало другим. Мягче. Теплее. Как — не лофт, а чей-то дом. Большой, кирпичный, но — дом.

Оставил на постоянно. Не только для концерта. Навсегда.

Вторник. Вечер. Миша — на лестнице. С молотком — вешал крючок для гирлянды. Проводка — не доставал, тянул удлинитель.

Криво. Гирлянда — провисала слева. Подтянул — провисла справа. Подтянул — лампочка выпала. Вкрутил — другая выпала.

— Блядь.

— Если крючок — на десять сантиметров левее, не будет провисать.

Голос — женский. Спокойный. Снизу.

Миша обернулся.

Лестница. Площадка второго этажа. Женщина. Лет тридцать пять. Среднего роста. Волосы — тёмно-русые, собраны. Очки — прямоугольные, тонкая оправа. Куртка — пуховик, серый. Сумка — через плечо, большая. Из сумки — торчит блокнот.

Смотрела на гирлянду. Потом — на крючок. Потом — на Мишу.

— Левее. И — выше. Тогда натяжение будет равномерное.

Миша посмотрел на крючок. На гирлянду. На женщину.

— Ты — инженер?

— Нет. Организатор мероприятий. Но гирлянды вешала — раз сто. Может — двести.

— А ты — зачем здесь?

— Игорь позвал. На концерт. Сказал — «приходи, место классное». Я пришла посмотреть — заранее. Привычка. Не люблю — сюрпризы.

Спустился. Молоток в руке.

— Миша.

— Вера.

Пожали руки. Рука — тёплая, крепкая. Не хрупкая. Рабочая.

— Можно — посмотреть?

— Заходи.

Вера вошла. Не как Даша — не вихрем, не фотографируя. Медленно. Внимательно. Как — инспектор. Или — врач. Осматривает. Оценивает. Считает.

Прошла по периметру. Стены — потрогала. Столы — посчитала. Стулья — проверила. Один — шатался. Тот, который Лёха чинил. Опять.

Подошла к стойке. Посмотрела на доску. «ТОЧКА». Цены. Меню.

— Кофе — сто пятьдесят?

— Да.

— Латте, капучино — тоже сто пятьдесят?

— Да.

— Латте должен быть дороже. Молока больше. Себестоимость выше.

Миша моргнул.

— На двадцать рублей.

— Двадцать рублей — за тридцать стаканов в день — шестьсот рублей. В месяц — восемнадцать тысяч. Это — интернет плюс половина коммуналки.

Миша смотрел на неё. Она — на доску. Достала блокнот. Ручку — синюю, гелевую. Записала. Что-то. Быстро.

— Туалет — где?

— Там. Слева.

Зашла. Вышла через минуту.

— Чисто. Хорошо. Мыло — жидкое, дозатор?

— Кусковое. На раковине.

— Дозатор. Двести рублей в «Фикс Прайсе». Кусковое — негигиенично.

Записала.

Прошла к окнам. Посмотрела.

— Шторы — нет?

— Нет. Зачем?

— Вечером — свет из окон отвлекает. На мероприятиях — нужна темнота. Хотя бы — приглушить. Не шторы — рулонные. Тёмные. Недорого.

Записала.

Миша стоял за стойкой. Смотрел. Она — ходила. Писала. Считала. Молча — не объясняя, не спрашивая.

Раздражало. Чуть-чуть. Как — комар. Не больно — но зудит.

— Слушай, — сказал Миша. — Ты — зачем всё это записываешь?

Вера остановилась. Посмотрела на него. Очки — блеснули в свете гирлянды.

— По привычке. Извини.

— Нет, я не...

— Я — организатор. Восемь лет. Когда захожу в пространство — вижу. Что работает. Что нет. Что можно — улучшить. Автоматически. Как ты — видишь что стакан грязный. Я — вижу что стулья не в том порядке.

— Стулья — нормально стоят.

— Для коворкинга — да. Для концерта — нет. Если тридцать человек — нужно полукругом. Три ряда. Десять — десять — десять. Проход — посередине. Сцена — у стены с кирпичом. Она — фактурная, будет работать как фон. Бар — справа, чтобы не мешал обзору. Звук — колонки по бокам от сцены, не за ней. За ней — отражение, будет каша.

Говорила — спокойно. Не быстро — как Даша. И не медленно — как отец. Ровно. Конкретно. Без лишнего.

Миша слушал. И — неприятное — понимал. Она — права. По каждому пункту. Полукруг. Проход. Колонки. Фон. Всё — правильно. Всё — то, о чём он не подумал.

— У тебя — опыт, — сказал.

— Восемь лет. Семьсот мероприятий. Плюс-минус.

— Семьсот?

— Корпоративы, конференции, свадьбы, дни рождения, выставки. Всякое. От двадцати человек до пятисот.

Пауза.

— Своё агентство было. Три года. Потом — закрылось.

— Почему?

— Долгая история. Если коротко — партнёр оказался мудаком.

— Муж?

Вера посмотрела на него. Коротко. Остро.

— Бывший муж. Но — мы не об этом.

Закрыла блокнот. Убрала ручку.

— Миша. У тебя — хорошее место. Серьёзно. Атмосфера, свет, пространство — настоящее. Но концерт — это не «поставить стулья и включить колонки». Это — логистика, тайминг, звук, свет, бар, вход, выход, безопасность.

— Безопасность?

— Огнетушитель — есть?

Пауза.

— Нет.

Вера достала ручку. Записала.

Миша смотрел на неё. На блокнот. На ручку. На почерк — ровный, мелкий. Списки. Пункты. Конкретно.

Раздражало. И — восхищало. Одновременно.

— Хочешь помочь? — спросил.

— С концертом?

— Да.

Вера посмотрела на него. Долго. Оценивающе — но по-другому. Не «сколько стоит» и не «кто ты». А — «можно ли довериться». Другая оценка.

— Бесплатно, — сказала. — Один раз. Посмотрю — как пойдёт. Если — нормально — поговорим.

— О чём поговорим?

— О постоянном. Но — потом. Сначала — концерт.

Среда. Четверг.

Вера приходила каждый день. На два часа. Вечером — после своей работы. Фриланс — организовывала мероприятия для маленьких компаний. Корпоративы на двадцать человек. Дни рождения. Не большие деньги — но стабильные.

Приходила — и работала. Молча. Без лишнего.

Среда — расставила стулья. Лёхины — пластиковые, белые — привезли на «газели». Тридцать штук. Вера — расставила. Полукругом. Три ряда. Проход. Ровно — как говорила.

Миша помогал. Таскал стулья. Вера — командовала. Тихо. Без крика. «Левее. Ещё. Стоп. Вот тут».

— Ты — армия, — сказал Миша.

— Я — порядок, — сказала Вера. — Разница.

Четверг — звук. Колонки — Миша купил. Вера — настроила. Не сама — позвонила знакомому. Костя, звукорежиссёр, двадцать семь лет, бородатый, с кабелями в рюкзаке. Пришёл — за час всё подключил. Проверил. Игорь — сыграл три аккорда. Звук — чистый, тёплый.

— Потолки — подарок, — сказал Костя. — Акустика сама работает. Только не перегружайте — будет гудеть.

Вера — записала. «Не перегружать звук.» В блокноте. Синей ручкой.

Огнетушитель — купила сама. Принесла. Красный, тяжёлый. Поставила у входа.

— Это — подарок, — сказала. — Не благодари. Пожарная инспекция — не шутки.

Миша — не поблагодарил. Не потому что не хотел. Потому что — не привык. К тому, что кто-то — делает. Без просьбы. Без оплаты. Просто — делает. Потому что — правильно.

Как Лёха. Как мама. Как Алина — с бутербродами в больнице.

Люди — делают. А он — не замечает.

Заметил.

— Спасибо, — сказал.

— Угу, — сказала Вера. Не подняла глаза от блокнота.

Пятница. Вечер. Семь часов.

Концерт.

Миша стоял у входа. Дверь — открыта. На стене — листок. А4:

«ТОЧКА». Акустический вечер. Игорь Самойлов и друзья. Вход — 200 . Пиво, кофе.

Вера — за стойкой. Бар. Пиво — руслановское, три сорта, в кегах. Стаканы — пластиковые, прозрачные. Кофе. Вода.

Игорь — у стены. Кирпичной. С гитарой. Настраивал. Басист — рядом. Девушка с кахон — за ними.

Семь пятнадцать. Первые. Пять человек. Молодые — друзья Игоря. Заплатили. Сели. Взяли пиво.

Семь тридцать. Ещё десять. Кто-то — знакомые. Кто-то — незнакомые. Увидели в инстаграме — Даша выложила фото лофта, подписала: «Сегодня тут музыка. Приходите».

Даша — в углу. С камерой. Снимала.

Семь сорок пять. Двадцать пять человек. Стулья — почти все заняты.

Восемь. Тридцать два. Стульев — не хватило. Двое — встали у стены. Один — сел на подоконник. Рядом с синей обложкой и Сенеккой. Не заметил — или не придал значения.

Миша стоял у входа. Тридцать два человека. В его месте. Сидят, стоят, пьют пиво, разговаривают. Гирлянды — горят. Лампочки Эдисона — тёплые, жёлтые. Кирпичная стена — в свете — красная, глубокая.

Игорь кивнул. Миша кивнул. Игорь начал играть.

Звук.

Гитара — в пустом пространстве с высокими потолками. Первый аккорд — и тишина. Тридцать два человека — замолчали. Разом. Как по команде. Потому что — звук. Настоящий, живой, деревянный.

Бас — вступил. Низкий, вибрирующий. Пол — гудел. Миша чувствовал — ступнями. Через ботинки. Пол — гудел.

Кахон — вступил. Ритм. Сердцебиение. Бум. Бум. Бум-бум. Бум.

Игорь запел. Голос — тихий, хриловатый. Не оперный — человеческий. Близкий. Как будто — не со сцены, а с соседнего стула. Как будто — разговор. Только — с мелодией.

Слов — не разобрать. Или — не важно. Важно — звук. Как он заполняет пространство. Стены, потолок, пол — резонируют. Кирпич — держит. Дерево — отражает. Бетон — впитывает. Помещение — играет. Вместе с ними.

Люди — слушали. Кто-то — закрыл глаза. Кто-то — кивал головой. Девушка в первом ряду — плакала. Тихо, без звука. Почему — не знал. Может — песня. Может — что-то своё. Может — просто красиво.

Миша стоял у стены. У входа. Далеко — от сцены, от звука. Но — слышал. Всё. Каждую ноту. Каждый обертон. Каждый удар кахона.

И смотрел. На людей. На лица. В свете гирлянд — тёплые, мягкие. Живые.

И понял — нет, не понял, почувствовал — вот. Вот — зачем. Не деньги. Не бизнес. Не «коворкинг, кофе, Wi-Fi». А — вот это. Тридцать два человека. Живой звук. Гирлянды. Кирпичная стена. И девушка в первом ряду — плачет, потому что красиво.

Вот — зачем.

Концерт — час. Три блока по двадцать минут. Перерывы — пять минут. Вера — засекала. Миша не знал что нужно засекать. Вера — знала.

В перерывах — бар. Пиво, кофе. Руслановское — разлетелось. Все три сорта. К третьему блоку — кончилось. Вера — позвонила Руслану. «Есть ещё десять литров?» «Привезу через двадцать минут.» Привёз.

Миша за стойкой — наливал. Пиво, кофе, вода. Руки — мокрые, быстрые. Стаканы — кончались. Вера — нашла запасные. В подсобке. В коробке, которую Миша забыл.

Работали. Вдвоём. Без слов. Миша — наливал. Вера — считала. Деньги — в коробку, под стойкой. Наличка и переводы. QR-код — на стойке, криво, как всегда.

Как — машина. Два человека — как одна машина. Он — руки. Она — голова.

Десять вечера. Концерт кончился. Аплодисменты — громкие, настоящие. Не вежливые — настоящие. Свист. Крики. «Ещё!» Игорь — сыграл ещё одну. Последнюю. Тихую. Без баса, без кахона. Один. Гитара. Голос. Тишина.

Потом — всё. Люди — расходились. Медленно. Не хотели — уходить. Стояли, разговаривали, допивали. Кто-то — обменивался контактами. Кто-то — фотографировался у кирпичной стены. Кто-то — спрашивал Мишу:

— А следующий концерт — когда?

— Скоро.

— Подпишусь на вас. Инстаграм есть?

Инстаграм. Нет. Нет инстаграма. Миша — не завёл. Не подумал. Или — подумал, но руки не дошли.

— Будет, — сказал.

Даша — у стойки. С камерой. Глаза — горят. Сняла — всё. Концерт, лица, руки, свет, гирлянды.

— Миш, я тебе завтра скину фотки. Выложишь — в соцсети. У тебя ведь есть соцсети?

— Нет.

— Господи. Ладно, завтра — сделаем.

К одиннадцати — пусто. Стулья — грязные, пиво на полу, стаканы — везде. Мусор. Но — хороший мусор. Мусор после жизни.

Миша, Вера, Даша. Втроём. Убирали. Молча.

Вера — стулья. Складывала. Ровно. Стопками.

Даша — стаканы. Собирала в мешок. Не морщилась — собирала.

Миша — пол. Швабра. Вода. Пиво — липкое, пахнет.

Убирали. Полчаса.

Потом — сели. На диван. Втроём. Вера — слева. Даша — справа. Миша — посередине.

Тишина. Помещение — чистое. Пустое. Гирлянды — горят. Свет — тёплый.

— Сколько? — спросил Миша.

Вера открыла блокнот. Посчитала. Губами — шевелила.

— Тридцать два входных по двести — шесть четыреста. Пиво — четырнадцать тысяч. Кофе — три двести. Итого — двадцать три шестьсот. Минус — пиво Руслану, десять тысяч. Минус — аренда колонок, Костя — три. Минус — стаканы, салфетки, мелочи — тысяча. Итого — чистыми — девять тысяч шестьсот.

— Девять тысяч шестьсот, — повторил Миша.

— За один вечер.

Тишина. Девять тысяч шестьсот. За один вечер. Один концерт. Три часа.

Больше чем — за три дня коворкинга.

— Если делать два-три раза в месяц... — начал Миша.

— Четыре, — сказала Вера. — Каждую пятницу. Разный формат. Концерт. Лекция. Мастер-класс. Кинопоказ. Чередовать. Аудитория — разная, но место — одно. Люди привыкают: пятница — «Точка». Становится традицией.

— Четыре по десять — сорок тысяч, — сказал Миша.

— Плюс коворкинг — семьдесят в месяц. Плюс кофе. Итого — сто двадцать — сто тридцать. Минус аренда и расходы — почти в ноль.

— Почти в ноль.

— А через три месяца — в плюс.

Миша посмотрел на неё. Вера — с блокнотом, с ручкой, с цифрами. Спокойная. Конкретная.

Даша — справа. С камерой. С фотографиями. С энергией.

Он — посередине.

— Вера.

— Да.

— Ты говорила — «если нормально, поговорим».

— Говорила.

— Нормально?

Вера посмотрела на него. Потом — на помещение. На гирлянды. На кирпичную стену. На доску — «ТОЧКА». На подоконник — синяя обложка, бежевая.

— Нормально, — сказала.

— Поговорим?

— Завтра. Сейчас — я устала. И — ты воняешь пивом.

Даша засмеялась. Громко. Как — вспышка.

— Она мне нравится, — сказала Даша. — Жёсткая. Мне нравятся жёсткие.

Вера посмотрела на Дашу. Даша — на Веру. Секунду. Оценивающе. Два разных мира — в одном взгляде. Порядок и хаос. Блокнот и камера. Списки и вспышки.

Вера — кивнула. Чуть-чуть. Одобрительно.

— Фотографии — хорошие. Видела, как снимаешь. Профессионально.

— Спасибо. А ты — стулья красиво расставляешь.

— Это — не красота. Это — эргономика.

— Одно другому не мешает.

Пауза. Почти — улыбка. У обеих. Почти.

Вера встала. Куртку. Сумку. Блокнот — в сумку.

— Завтра. К двенадцати. С планом.

— С планом чего?

— С планом всего. Расписание, бюджет, продвижение. Если мы это делаем — делаем нормально.

Ушла. Шаги — ровные, по лестнице, вниз. Не тяжёлые, не лёгкие. Ровные.

Даша и Миша. Вдвоём. Диван. Гирлянды.

Даша — положила голову ему на плечо. Камера — на коленях.

— Миш.

— М.

— Кажется, у тебя — получается.

Миша молчал. Смотрел на помещение. Пустое. Чистое. С гирляндами.

Два часа назад — тридцать два человека. Музыка. Смех. Пиво. Девушка в первом ряду — плакала.

Девять тысяч шестьсот.

И — Вера. Которая завтра придёт. С планом. С цифрами. С порядком.

И — Даша. Которая — здесь. На плече. Тёплая.

Получается.

Может быть — получается.

Или — только начинается.

Глава 13: Петя

Март.

Лофт — менялся. Не резко — как вода, которая прибывает. Незаметно, пока не оглянешься.

Вера пришла — и появился порядок. Не тот, который душит — тот, который держит.

Расписание — на доске, рядом с «ТОЧКА». Мелом. Верин почерк — ровный, мелкий:

Пн-Чт: Коворкинг. 9:00-21:00. Пт: Мероприятие. 19:00. Сб-Вс: Коворкинг + свободная программа.

Мероприятия — каждую пятницу. Первая — концерт Игоря. Вторая — лекция. Парень из инстаграма — психолог, тема: «Почему мы боимся начинать». Пришло двадцать один человек. Третья — мастер-класс по леттерингу. Девушка — Алёна, рисует буквы, красиво, тонкой кистью. Пришло семнадцать. Четвёртая — кинопоказ. Документалка, короткий метр, проектор на белую стену. Двадцать шесть человек.

Вера вела всё. Списки, контакты, бюджет. Блокнот — разбух. Второй — начала.

Инстаграм — Даша сделала. Фотографии — её. Лофт, люди, кирпич, кофе, гирлянды. Чёрно-белое и цветное. Красиво — по-настоящему. Не фильтры — глаз. За месяц — четыреста подписчиков. Мало. Но — живые. Комментарии: «Где это?» «Когда следующий концерт?» «Можно прийти просто так?»

Можно. Просто так — можно.

Коворкинг — пятнадцать-семнадцать человек в день. Стабильно. Не взрыв — стабильность.

Деньги — блокнот, красная ручка. Март. Доход — сто сорок две тысячи. Расход — сто восемьдесят шесть. Минус — сорок четыре.

Минус. Но — сорок четыре. Было — сто сорок пять. Стало — сорок четыре.

Вера сказала: «В апреле — выходим в ноль. Если не случится дичь».

Вторник. Март. Второй час дня.

Дверь. Шаги — медленные, тяжёлые. Не Константин Борисович — те шаркающие, эти — просто тяжёлые. Как человек, который несёт что-то. Не в руках — в себе.

Мужчина. В дверях. Лет сорок. Крупный. Широкие плечи — видно, что было тело. Было — потому что сейчас обмякло. Свитер — тёмный, растянутый. Джинсы. Ботинки — хорошие, кожаные, но нечищенные. Лицо — тяжёлое, мешки под глазами. Мешки — не от бессонницы. Глубже. Как — вмятины. Следы.

Но глаза — ясные. Очень ясные. Странно ясные — для такого лица.

Стоял. Смотрел. На помещение. Долго. Не оценивающе — просто смотрел. Как — человек, который давно никуда не заходил. И забыл — как это.

Подошёл к стойке.

— Кофе. Чёрный.

— Эспрессо?

— Можно.

Сделал. Поставил.

Мужчина взял. Не сел — стоял. Пил. Медленно. Глоток. Пауза. Глоток.

— Сколько — за день?

— Триста. Кофе — входит.

— А если — не работать? Просто — сидеть?

— Так же. Триста.

Кивнул. Заплатил. Перевод.

Пошёл. К дивану — нет. Мимо. К дальнему углу. Там — ничего. Стул. Один. У стены. Между окном и трубой. Самое незаметное место в лофте. Тень. Тихо.

Сел. Поставил стакан на подоконник. Достал — ничего. Ни ноутбука, ни книги, ни телефона. Ничего. Сел и — сидел. Смотрел перед собой.

Миша — за стойкой — посмотрел. Отвернулся. Не его дело.

Среда. Час дня. Тот же мужчина. Тот же стул. Тот же угол.

Кофе. Чёрный. Триста рублей. Сел. Сидел.

Четверг. Час дня. Тот же. То же.

Пятница — не пришёл. Мероприятие — лекция.

Понедельник — пришёл. Час дня. Кофе. Стул. Угол.

Вторник. Среда. Четверг.

Каждый день. Одно время. Одно место. Один кофе. Без ноутбука. Без телефона. Без книги. Просто — сидел.

Иногда — смотрел в окно. За окном — двор, берёза, крыши. Иногда — на помещение. На людей. На Игоря — за столом. На Настю — с чаем. На Мишу — за стойкой.

Не пиялся. Просто — глаза были открыты. И — смотрели.

Уходил в шесть. Каждый день. Ровно. Кивал Мише. Молча. Уходил.

Вторая неделя. Четверг.

Миша не выдержал.

Подожёл. Стул рядом — свободный. Сел.

— Привет. Миша. Я — владелец.

Мужчина посмотрел на него. Спокойно.

— Знаю. Петя.

— Ты каждый день тут.

— Да.

— Работаете?

— Нет.

— А что делаете?

— Сажу.

Пауза. Миша ждал — продолжения. Объяснения. «Я прихожу сюда потому что...» Не было.

— Тут — хорошо сидится, — сказал Петя.

— Спасибо, — сказал Миша.

— Не за что. Это — тебе спасибо. Что сделал место, где можно сидеть и никто не спрашивает зачем.

Посмотрел на Мишу. Глаза — ясные. Без иронии. Без грусти. Просто — ясные. Как стекло — протёртое. Чистое.

— Хотя — ты только что спросил.

— Извини.

— Нормально. Я бы тоже спросил. Мужик приходит каждый день, сидит, ничего не делает. Подозрительно.

Чуть — улыбнулся. Одним углом рта. Коротко.

— Я раньше — не умел. Сидеть. Просто — сидеть. Всегда надо было — делать. Звонить, писать, решать, считать. Каждая минута — должна приносить результат. Иначе — зря. Иначе — потерянное время.

Пауза.

— Потом — потерял всё. И оказалось — время, которое я сэкономил, никуда не ушло. Оно просто — прошло. Мимо. Быстро. А я — не заметил.

Пауза.

— Теперь — учусь. Сидеть. Чувствовать время. Не экономить — чувствовать.

Миша слушал. Не перебивал. Не кивал. Слушал.

— Чтоты потерял? — спросил.

Петя посмотрел на него. Оценивающе — но мягко.

— Всё стандартное. Бизнес. Жену. Квартиру. Себя.

— В таком порядке?

— Нет. Себя — первым. Остальное — следствие. Но понял это — последним.

Допил кофе. Поставил стакан.

— Агентство. Рекламное. Пятнадцать человек. Офис на Пресне. Машина. Квартира. Жена. Всё — как надо. Всё — по плану.

— Что случилось?

— Ковид. Клиенты ушли. Кредит. Не вытянул. Стандартная история. Тысячи таких.

— И?

— Запил. Полгода. Не запои — аккуратно. Бутылка вечером. Потом — две. Каждый день. Аккуратный алкоголик — самый опасный вид. Потому что долго никто не замечает. Даже ты сам.

Пауза.

— Жена заметила. Сказала — я или бутылка. Я выбрал бутылку. Не потому что не любил. Потому что бутылка — не задаёт вопросов.

Миша молчал. Слушал.

— Потом — дно. Конкретное. Проснулся на полу кухни. Лицом в луже. Не воды.

Сказал — спокойно. Без надрыва. Как — погоду. Как — «сегодня пасмурно».

— Посмотрел на себя. Сверху вниз. Пол, лужа, я. И подумал — вот. Вот — ты. Вот — что ты есть. Без бизнеса, без жены, без квартиры, без костюма. Вот — ты. На полу. В луже.

Пауза.

— И — встал. Вылил оставшееся. Помыл пол. И — перестал пить.

— Просто — перестал?

— Просто — перестал.

— Без — психолога, группы, реабилитации?

— Без. Не потому что я сильный. Потому что на полу — выбор простой. Или встаёшь — или остаёшься. Третьего — нет.

Миша смотрел на него. На лицо — тяжёлое, мешки, вмятины. На глаза — ясные. На руки — крупные, на коленях. Руки — спокойные. Неподвижные.

— Это было — год назад?

— Год и два месяца.

— И — что сейчас?

Петя посмотрел на помещение. На людей. На гирлянды. На свет из окна.

— Сейчас — сижу. В тёплом месте. Пью кофе. Чувствую — время. Учусь — заново. Всеми.

— Чему — всему?

— Дышать. Смотреть. Слушать. Не торопиться. Не считать — каждую минуту. Просто — быть.

Пауза.

— Раньше — не умел. Сорок лет — не умел. Всегда — бежал. Бежал — строил, бежал — зарабатывал, бежал — терял, бежал — пил, бежал — лежал на полу.

— А теперь?

— Теперь — сижу. И мне — нормально.
Улыбнулся. Тем же углом рта. Коротко.
— Не хорошо. Не отлично. Нормально. Нормально — это много. Когда год назад было — на полу.

Молчали. Минуту. Две. Нормальная тишина. Не тяжёлая, не неловкая. Нормальная. Как — между людьми, которые не обязаны говорить.

— А жена? — спросил Миша.

— Ушла. Правильно сделала.

— Не пытался — вернуть?

— Нет.

— Почему?

Петя помолчал. Посмотрел на свои руки. Большие, спокойные.

— Потому что — нечего возвращать. Тот человек, который был с ней, — сдох. На полу кухни. А новый — ещё не готов. Не знаю — кто он. Не знаю — какой. Учусь. Когда — узнаю... Может — тогда. Может — она не захочет. Её право.

Миша слушал. И — слышал. Не Петю — себя. Алина. Четыреста тысяч. «Деньги можешь не возвращать.» Не пытался — вернуть. Не потому что не хотел. Потому что — нечего. Тот Миша, который был с ней, — украл и соврал. А новый — кто он? Какой? Ещё не знает.

— Ты — давно это всё открыл? — спросил Петя.

— Четыре месяца.

— А до этого?

— Менеджер. Логистика. Пять лет.

— Ушёл?

— Уволили. Но — не сопротивлялся.

Петя кивнул. Медленно.

— Знакомо.

Пауза.

— Живёшь тут?

Миша посмотрел на него. Петя — не на Мишу. На подсобку. Дверь — приоткрыта. Спальник — виден. Синий.

— Да, — сказал Миша.

— Давно?

— С ноября.

— Девушка?

— Ушла. Осенью.

— Из-за этого?

Миша помолчал.

— Из-за меня. Из-за того, что я сделал.

Петя не спросил — что сделал. Не спросил — подробности. Кивнул. Понял — или не понял, но — не полез. Граница.

— Нормальное место, — сказал Петя. — Серьёзно. Тут — душа есть. Чувствуется.

Встал. Шесть часов. Ровно.

— Завтра — приду.

— Приходи.

Кивнул. Ушёл.

Март. Каждый день.

Петя — в углу. Кофе. Тишина.

Но — после того разговора — иногда. По фразе. Две. Между — молчание. День, два. Потом — фраза.

В среду — Миша жаловался Игорю, за стойкой, не понижая голос — про расходы, про аренду, про то что деньги тают.

Петя — из угла, не поворачивая головы:

— Деньги — вода. Утекают — всегда. Вопрос — куда.

И — тишина. Как будто не говорил.

В пятницу — после мероприятия, все ушли, Миша убирал. Петя — задержался. Помогал — молча. Стулья складывал. Стаканы — в мешок. Пол — шваброй. Не спрашивая.

Убрали. Сели.

— Спасибо, — сказал Миша.

— Не за что. Я тут сижу каждый день. Имею право — помыть.

Пауза.

— Миш, можно — одну вещь?

— Давай.

— Ты — горишь. Это видно. Глаза, руки, голос — горишь. Это — хорошо. Когда не горишь — ты мёртвый. Я знаю — был мёртвый.

Пауза.

— Но — огонь без печи — это пожар. Без стен — сжигает всё вокруг. И — себя.

— Это ты к чему?

— Ни к чему. Просто — наблюдение.

Не объяснил. Не развил. Положил — как камень. Тяжёлый. На стол.

Миша — подобрал. Не сразу — потом, ночью, на диване, в спальнике. «Огонь без печи — пожар.»

Думал — про Дашу? Нет. Думал — про себя. Про то, как горит — каждый день. Лофт, мероприятия, цифры, люди. И — Даша, ночами, на полу, жадно. И — Вера, днями, с блокнотом, чётко. И — Лёха, по субботам, с борщом. И — мама, по телефону, «оденься теплее». И — отец, в кресле, с тапочками.

Горит — по всем направлениям. Во все стороны. Без стен.

Когда — стены? Когда — печь?

Не ответил. Заснул.

Апрель. Первая неделя.

Вера — в лофте. Считает. Блокнот — третий. Ручки — кончаются, покупает упаковками.

— Миша. Апрель. Коворкинг — семьдесят восемь тысяч. Мероприятия — пятьдесят одна. Кофе и бар — двадцать три. Разовые — четырнадцать. Итого — сто шестьдесят шесть.

— Расход?

— Аренда — сто шестьдесят. Комуналка — шесть. Продукты бар — пятнадцать. Интернет — два. Разное — пять. Итого — сто восемьдесят восемь.

— Минус двадцать две.

— Минус двадцать две. Но — в мае будет лучше. Два корпоратива запросили площадку. Если подтвердят — плюс сорок.

— Тогда — в плюс.

— Тогда — в плюс.

Смотрели друг на друга. Через стойку. Вера — с блокнотом. Миша — с кружкой.

В плюс. Впервые — в плюс. Если — корпоративы. Если — подтвердят. Если — не случится дичь.

— Не случится, — сказала Вера. Как будто прочитала.

— Ты не можешь знать.

— Не могу. Но — подготовлюсь. К любой дичи. Это — моя работа.

Петя — в углу. Слышал. Как всегда — слышал всё.

Не поворачиваясь:

— Дичь — всегда случается. Вопрос — когда и какая.

Вера посмотрела на него. Впервые — внимательно. До этого — не замечала. Мужик в углу. Сидит. Пьёт кофе. Мебель.

— Это кто? — тихо, Мише.

— Петя. Приходит каждый день.

— Работает?

— Сидит.

Вера подняла бровь.

— Платит?

— Триста в день.

— Каждый день?

— Каждый.

Вера — посмотрела на Петю. Оценивающе. Потом — записала что-то в блокнот.

— Девять тысяч в месяц. Стабильно. Хороший клиент.

Миша усмехнулся. Для Веры — Петя был цифрой в блокноте. Девять тысяч. Стабильно. Для Миши — чем-то другим. Чем — не мог объяснить. Зеркалом? Голосом? Камнем, который кладёт на стол и не объясняет?

Апрель. Вторая неделя.

Даша — реже. Не каждый день — через день. Потом — через два.

— Даш, ты завтра будешь?

— Не знаю, Миш. Завтра — съёмка. Кафе на Покровке. Потом — ещё одна. Бегу.

Бежала. Всегда — бежала. Камера, рюкзак, кожаная куртка — мелькнула и нет.

Ночи — реже. Не каждый вечер. Через два. Через три. Миша ловил себя — ждёт. Вечером, после всех, на диване — ждёт. Придёт? Не придёт?

Приходила — и всё вспыхивало. Огонь, жадный, быстрый. Как — в первый раз. Каждый раз — как в первый.

Не приходила — и тишина. Пустая. Знакомая. Обогреватель щёлкает. Город гудит.

Однажды — написал: «Приходи».

Ответ — через два часа: «Не могу. Устала. Завтра #»

Завтра — не пришла.

Миша — на диване. В спальнике. Смотрел в потолок. Трубы. Чёрные. На белом.

«Не влюбляйся.»

Влюбился.

«Я уйду.»

Знаю.

«Я предупредила.»

Предупредила.

И что — теперь? Знал, слышал, согласился — и всё равно. Как с Алиной — наоборот. Алина — просила остаться. Он — ушёл. Даша — просила не держать. Он — держит. Один паттерн — разные концы.

Нет. Тот же конец. Один — не слушает другого.

Заснул. Плохо.

Апрель. Третья неделя. Среда.

Петя — в углу. Миша — за стойкой. Народу мало — двенадцать. Дождь за окном.
Миша — варил кофе. Себе. Третий за день. Много — знает. Но — руки делают, голова не спорит.

— Миш.

Обернулся. Петя — за стойкой. Встал из угла. Подошёл. Впервые — сам подошёл. Обычно — Миша к нему. Сейчас — наоборот.

— Да?

— Можно — вопрос?

— Давай.

— Девушка. Фотограф. Как её — Даша?

— Ну.

— Ты — с ней?

Миша посмотрел на него. Петя — спокойный. Глаза — ясные. Без осуждения. Без любопытства. Вопрос — как вопрос.

— Да.

— Давно?

— Два месяца.

Петя кивнул.

— Она — хорошая. Живая. Красивая. Это — видно.

— Но?

— Но — ничего. Не моё дело.

Взял стакан. Свой. Пустой. Поставил на стойку.

— Ещё кофе.

Миша сделал. Поставил.

Петя взял. Не ушёл. Стоял у стойки.

— Знаешь, чем алкоголь — опасен? Не похмельем. Не печенью. Не тем что лежишь на полу.

— Чем?

— Тем что — заменяет. Всё — заменяет. Радость — заменяет. Грусть — заменяет. Скуку — заменяет. Одиночество — заменяет. Тебе плохо — выпил, стало нормально. Тебе хорошо — выпил, стало ещё лучше. Тебе никак — выпил, стало хоть как-то.

— Я не пью.

— Я не про алкоголь.

Посмотрел на Мишу. Прямо.

— Я про — замену. Когда одна вещь — заменяет всё. Работу. Отношения. Смысл. Тишину. Всё — через одну вещь. Одну кнопку. Нажал — и хорошо.

Пауза.

— Неважно что это. Бутылка. Человек. Проект. Если — через это — ты избегаешь всего остального — это одно и то же.

Миша стоял за стойкой. Руки — на дереве. Поддоны. Лак.

Знал — о чём Петя. Понимал — про что. Лофт — не бутылка. Даша — не бутылка. Но — механизм. Тот же. «Мне плохо — иду в лофт, становится нормально.» «Мне одиноко — Даша, становится тепло.» «Мне страшно — работаю, становится понятно.»

Замена.

— Я не...

— Не оправдывайся. Я — не обвиняю. Я — наблюдаю. Разница.

Взял стакан. Ушёл в угол. Сел. Стул скрипнул.

Тишина.

Миша стоял. Кофе — свой — на стойке. Остывал. Пар — тоньше. Тоньше. Нет.

Не выпил. Вылил. Сделал новый. Зачем — не знал. Привычка. Или — ритуал. Или — кнопка.

Вечер. Все ушли. Петя — как всегда, в шесть. Кивнул. Ушёл.
Миша — один. На диване. Спальник. Обогреватель.
Телефон. Набрал — Лёху. Долго не отвечал. Потом:
— Мишка. Я в ванной. Полку вешаю. Маринка — достала. Третий месяц — «повесь полку, повесь полку». Вешаю.

— Лёх, я не вовремя.

— Ты всегда не вовремя. Говори.

— Я — нормально? Лёх, скажи честно. Я — нормально?

Тишина. Шуруповёрт — жужжит. Потом — затих.

— В смысле — нормально?

— Ну... Лофт, Даша, всё это. Я — не съехал?

— Мишка, откуда мне знать. Ты в своём лофте живёшь, с бабой новой, мне — звонишь раз в две недели. Откуда — я знаю — нормально ты или нет.

Пауза.

— Раз в две недели?

— Ну. Я считал. Не специально — так вышло. Раньше — каждые три дня. Теперь — две недели.

Миша молчал.

— Миш, я не обижаюсь. Ну — вру, обижаюсь. Немного. Маринка — больше. Она борщ варила — ты не забрал. Стоял в холодильнике неделю. Выкинули.

— Лёх, прости. Я — замотался.

— Знаю. Ты всегда — замотался. С октября — замотался. Раньше — на работе. Теперь — в лофте. Место другое — ты — тот же.

Пауза.

— Не в обиду, Миш. Просто — факт.

— Ты прав.

— Ну конечно прав. Я всегда прав. Маринка говорит — нет, но — она ошибается.

Шуруповёрт — снова. Жужжит.

— Ладно. Полка сама себя не повесит. Звони — почаще. И борщ — забери. Маринка — свежий сделала. В субботу — заеду?

— Заезжай. Обязательно.

— Всё. Давай. Не сходи с ума.

Отбой.

Миша лежал. Телефон на груди. Экран — погас.

Место другое — ты тот же.

Замотался. На работе — замотался. В лофте — замотался. С Алиной — замотался. С Дашей — замотался.

Замотался — красивое слово для «не слышу тебя».

Петя — прав. Лёха — прав. Все — правы. А я — за стойкой, делаю кофе, и не слышу.

Как отец — за столом, чертит, и не слышит маму.

Как — всегда.

Лежал. Долго. Не заснул — долго.

На подоконнике — бежевая обложка. Сенека. В темноте — не видно. Но — там.

«Пока мы откладываем жизнь, она проходит.»

Не жизнь откладывает. Людей. Откладывает — людей.

Заснул.

Глава 14: Рост

Май.

Всё — сразу.

Корпоративы — подтвердились. Оба. Первый — IT-стартап, двадцать пять человек, тим-билдинг, бюджет — сорок тысяч. Второй — маркетинговое агентство, тридцать, презентация продукта, пятьдесят пять. Вера — вела переговоры. Миша — кивал. Вера присылала договоры — Миша подписывал. Не читая. Вера говорила — «читай». Миша говорил — «я тебе доверяю». Вера смотрела — долго, молча — и убирала договор в папку.

Коворкинг — двадцать два в день. Рекорд. Столов — не хватало. Купил ещё два. Авито. Один — круглый, кофейный, низкий. Поставил в чилл-зону. Другой — длинный, узкий, из ИКЕА. Поставил вдоль стены с кирпичом. Шесть мест.

Итого — десять столов. Двадцать шесть мест. Почти все — заняты. К обеду — все.

Стулья — докупил. Ещё десять. Разные. Один — с подлокотниками, кожаный, старый, из кабинета кого-то. Лиза — студентка, которая писала диплом — села в него и сказала: «Всё, это мой. Навсегда. Я тут живу». Защитила диплом — и продолжала приходить. Каждый день. В кожаном кресле. Рисовала — оказалось, не только диплом. Комиксы.

Люди приводили людей. Игорь привёл — Сашу. Саша привела — Олю. Оля рассказала — Жене. Женя рассказал — кому-то. Кто-то — ещё кому-то. Цепочка. Не вирусная — органическая. Как корни. Медленно, под землёй, но — крепко.

Инстаграм — тысяча двести подписчиков. Даша — выкладывала фотографии. Каждый день. Лица. Руки. Кофе. Кирпич. Гирлянды. Свет. Люди писали — «хочу прийти». Приходили. Не все — но некоторые. Два-три новых в неделю. Достаточно.

Блокнот. Красная ручка. Синяя.

Май. Итоги.

Доход: 232 000 . Расход: 194 000 . Плюс: 38 000 .

Плюс. Впервые. Синей ручкой — обвёл. Дважды.

Плюс тридцать восемь тысяч.

Не богатство. Не успех. Но — плюс. После шести месяцев минуса — плюс.

Миша сидел за стойкой. Смотрел на цифру. Тридцать восемь. Синяя.

Позвонил маме.

— Мам. У меня — плюс.

— Что — плюс?

— Заработал больше чем потратил. Впервые.

— Ой, Мишенька. Молодец. Папе скажу — обрадуется. Сколько?

— Тридцать восемь тысяч.

Пауза.

— Ну... Это — хорошо. Это — начало. Ты ешь нормально?

— Ем, мам.

— Приезжай в воскресенье. Пирог сделаю. С капустой. Папа — ходит уже, представляешь? До магазина и обратно. Сам. Без меня. Я говорю — «Коля, подожди, я с тобой» — а он — «я сам». Упрямый.

— В тебя.

— В меня. Всё плохое — в меня. Всё хорошее — само выросло. Приезжай.

— Приеду.

Июнь.

Лето. Окна — открыты. Воздух — тёплый, с улицы пахнет — асфальт после дождя, тополиные серёжки, бензин. И — кофе. Всегда — кофе.

Растения — появились. Не купил — принесли. Настя — фикус, маленький, в глиняном горшке. «Ему у меня дома тесно. Пусть тут живёт.» Маша-иллюстратор — монстеру. Огромную, в пластиковом ведре. «Моя соседка выгнала его. За то что большой. Бред. Он же — красавец.»

Красавец стоял в углу — у окна, где раньше сидел только Петя. Петя — подвинулся. На полметра. Не жаловался.

Книжная полка — появилась. Деревянная, длинная, на стене у входа. Лёха — прикрутил, в субботу, с шуруповёртом. Маринка — приехала впервые. Маленькая, полная, громкая. Ходила по лофту — охала.

— Миша, это ты всё сам? Серьёзно? Лёша, ты видел потолки? Лёша!

— Маринка, я видел потолки. Пять раз. Я тут стулья чинил.

— Нет, ты посмотри — какой кирпич! Я в инстаграме такое видела. За две тысячи в час. А тут — бесплатно. Ну, триста. Всё равно!

Борщ — привезла. В кастрюле. Большой. И котлеты. И компот. И — шапку. Тёплую. Вязаную.

— Это — тебе. От меня. Лёша говорит — ты тут без шапки. Ноябрь-декабрь — без шапки. С ума сошёл?

Июнь на дворе. Шапка — зимняя, толстая, с помпоном.

— Спасибо, Марин.

— На здоровье. Заболеешь — я тебя лечить буду. А я лечу — жёстко. Спроси Лёшу.

Лёха — из угла, с шуруповёртом:

— Подтверждаю. Чеснок в нос. Водка с перцем. Шерстяные носки. Средневековые.

— Зато — работает!

Полка — на стене. На ней — книги. Первые — Мишины. Сенека — копия, бежевая, купил в букинистическом, чтобы оригинал — отцовский — оставить на подоконнике. Марк Аврелий — «Размышления». Камю — «Миф о Сизифе». Не для понтов — читал. Ночами, на диване, в спальнике. Не всё понимал. Но — читал.

Потом — люди стали оставлять. Свои. Без просьбы. Мураками. Буковски. Довлатов. Кто-то — учебник по программированию. Кто-то — детектив в мягкой обложке. Полка — росла.

Миша сделал табличку. Картонная, от руки: «Бери. Читай. Возвращай. Или не возвращай.»

Кот — появился. Не купили — пришёл. В июне. Серый, полосатый, с рваным ухом. Зашёл через открытую дверь. Прошёл по лофту — как хозяин. Осмотрел. Понюхал. Обнюхал Петю — Петя не двинулся. Обнюхал кофемашину. Запрыгнул на диван. Лёг. Заснул.

Никто не знал — чей. Ничей. Свой.

Лиза назвала — Марк. «В честь Марка Аврелия. Потому что — стоик. Посмотри — ему пофиг на всё.»

Марку — действительно было пофиг. Жил в лофте. Спал на диване. Ел — все кормили. Настя — тунец из банки. Маша — сосиски. Миша — молоко, в блюде, у стойки.

Марк — не ласкался. Не мурлыкал. Не сидел на коленях. Просто — был. Рядом. Тихо. Как Петя — только на четырёх лапах.

Июнь. Третья неделя.

Блокнот. Красная и синяя.

Доход: 261 000 . Расход: 198 000 . Плюс: 63 000 .

Плюс шестьдесят три. Синяя.

Миша смотрел на цифры. Потом — пролистал назад. Все месяцы. С ноября.

Ноябрь: минус 145 000. Декабрь: минус 118 000. Январь: минус 91 000. Февраль: минус 67 000. Март: минус 44 000. Апрель: минус 22 000. Май: плюс 38 000. Июнь: плюс 63 000.

Линия. От минуса — к плюсу. Восемь месяцев. Ровная. Не скачок — подъём. Медленный, тяжёлый, каждый рубль — руками.

Вера — смотрела через плечо.

— Красиво, — сказала.

— Цифры — не бывают красивые.

— Эти — бывают.

Мероприятия — каждую пятницу. Без пропусков. Вера — вела. Миша — помогал. Даша — фотографировала.

Концерты — Игорь и друзья. Потом — другие. Кто-то услышал, написал в инстаграм: «Можно у вас выступить?» Можно. Парень с укулеле. Девушка — фолк, голос, без инструментов. Трио — джаз, контрабас, клавиши, саксофон. В маленьком помещении — саксофон звучал как в церкви. Стены — гудели.

Лекции — разные. Психология. Философия. «Стоицизм для чайников» — Миша сам организовал, позвал парня с ютуба, философ, бородатый, двадцать восемь лет. Пришло сорок человек. Стоя. Не поместились — стояли в дверях. Слушали.

Мастер-классы. Леттеринг. Фотография. Йога — утренняя, по субботам, Настя предложила, оказалось — преподаёт. Расстилали коврики прямо на полу. Марк — ходил между ковриками. Обнюхивал пятки.

Кинопоказы. Документалки. Артхаус. Проектор на белую стену. Звук из колонок. Попкорн — Вера сказала «нет попкорна, это не кинотеатр». Миша купил попкорн. Вера посмотрела. Записала в блокнот: «Попкорн — 2000 / мес.» Смирилась.

Стендап. Один раз. Парень — двадцать три года, худой, нервный, руки дрожат. Первое выступление в жизни. Пришло — пятнадцать человек. Смеялись — по-доброму. Парень — расцвёл. После выступления — руки не дрожали.

Миша смотрел — и видел. Не цифры. Не рост. Людей. Которые приходят — и что-то получают. Не кофе и Wi-Fi. Что-то другое. Место. Где можно быть — собой. Где парень с дрожащими руками — может выйти и пошутить. И никто — не засмеёт. Не по-злему. А — по-доброму.

Вот — зачем.

Июль.

Лофт — полный. Каждый день. Утром — коворкинг, двадцать — двадцать пять человек. Вечером — мероприятия. Пятницы — аншлаг. Сорок — пятьдесят человек. Не помещались.

На стенах — больше. Рисунки. Кто-то — акварель, пейзаж, прямо на кирпиче. Кто-то — стикеры с цитатами. Кто-то — маркером, на белой стене в туалете: «Здесь я впервые почувствовал себя нормальным». Миша — не стирал. Оставлял.

Доска объявлений — появилась

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.